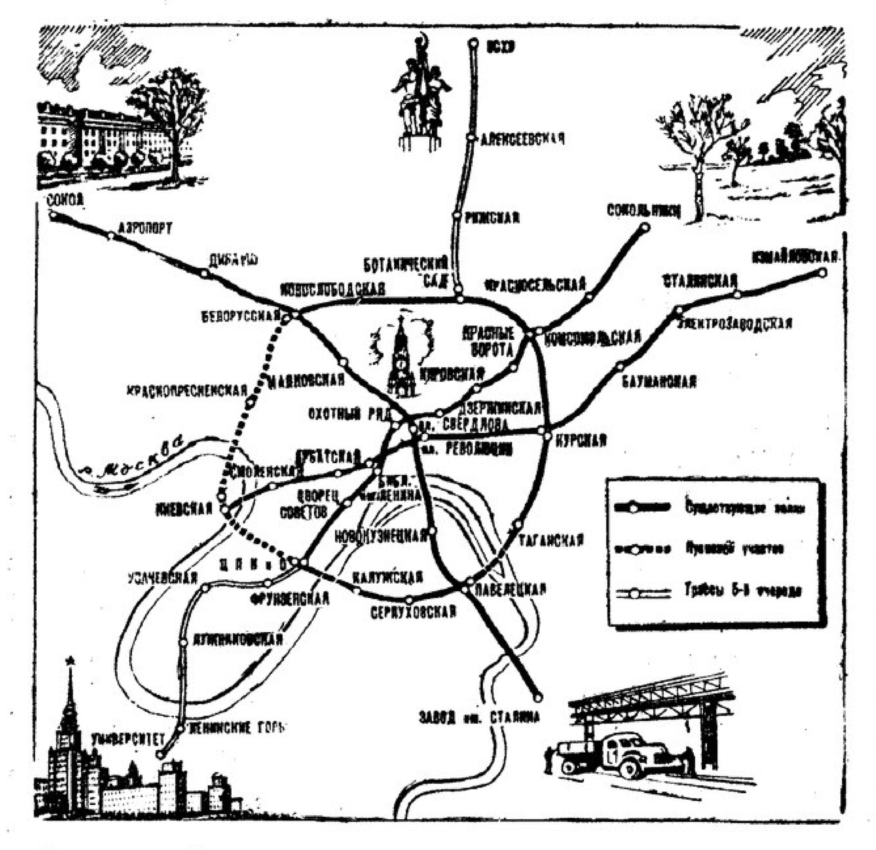
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 143 (3172) Четверг, 3 декабря 1953 г. Цена 40 коп.

ПЕРЕД ПУСКОМ ПРОБНОГО ПОЕЗДА

Строители Московского метрополитена дали обязательство завершить к Новому году сооружение третьего, последнего участка Большого кольца, которое отныне становится самой крупной подземной магистралью города.

Третий участок Большого кольца, соединяющий действующие станции «Белорусская-кольцевая» и «Центральный парк культуры и отдыха имени А. М. Горького», замкнет почти двадцатикилометровый круг подземной магистрали, охватывающий всю центральную часть города. Пассажир, решивший проехать по Большому кольцу, допустим, от Белорусского вокзала, примерно через полчаса снова попадет к Белорусскому вокзалу.

Во всех пунктах, где трасса Большого кольца пересекает существующие радиусы метро, сооружены подземные переходы. Это позволяет пассажирам совершать пересадку, не выходя на поверхность.

С открытием двух новых подземных дворцов число станций на трассе Большого кольца метро достигнет двенадцати.

На новом участке идет подготовка к предстоящему пропуску пробного поезда. Ведется внутренняя отделка двух новых станций — «Киевская-кольцевая» и «Краснопресненская». Они облицовываются мрамором, штукатурятся, заканчивается монтаж эскалаторов. Началась установка эскалатора, который соединит станцию «Белорусская-кольцевая» со станцией «Белорусская» Горьковского радиуса. Построены две новые тяговые подстанции. От участка Большого кольца, расположенного в районе Белорусского вокзала, проводится ветка к новому наземному депо метрополитена. Бригады строителей, завершившие работы на пусковом участке, переходят на трассы пятой очереди метро, где сейчас ведутся подготовительные работы.

Встреча с аргентинскими деятелями культуры

В течение трех недель гостила в нашей стране группа прогрессивных деятелей культуры Аргентины. В числе гостей были: редактор журнала «Куадернос де культура» Эктор Агости, известный аргентинский поэт Рауль Гонсалес Туньон, писатель Луис Гудиньо Крамер, врач Хорхе Тенон, педагог Б. Перельштейн, скульптор Луис Викторио Фальчини.

Они побывали в Ленинграде и Киеве, где осматривали промышленные предприятия, дома культуры, детские и лечебные учреждения. Перед отъездом на родину аргентинские гости посетили Союз советских писателей СССР.

По просьбе гостей Б. Полевой и С. Кирсанов рассказали о задачах советской литературы, а также о работе с начинающими авторами.

В свою очередь Рауль Гонсалес Туньон и Эктор Агости рассказали о современной аргентинской литературе. Они говорили о широком признании и любви, которыми пользуются в стране произведения советских писателей. Трижды вышел, например, роман А. Фадеева «Молодая гвардия». Большую роль в деле взаимного сближения народов Аргентины и СССР играет журнал «Куадернос де культура», который знакомит аргентинских читателей с прогрессивной литературой мира.

Заместитель генерального секретаря Аргентино-советского института культурной связи Берта Перельштейн познакомила советских писателей с работой и задачами института.

В дружеской беседе был поднят вопрос об издании в СССР книг аргентинских писателей.

Творческое содружество

Далеко за пределами нашей Родины на разных языках звучат советские песни. Гимном демократической молодежи мира стала песня А. Новикова и Л. Ошанина. Наши лучшие лирические песни поет молодежь в разных уголках земного шара.

На днях композиторы и поэты-песенники собрались в Центральном доме литераторов, чтобы поговорить о совместной работе, почитать новые стихи, исполнить новые песни.

Открывая вечер, Л. Ошанин говорил о том, что поэты, работая над песней, подчас не проявляют достаточной требовательности к себе, забывают, что в песне должно быть ярким каждое слово. Часто невнимательно относятся к слову и композиторы, которые пишут музыку на невыразительные, слабые тексты. Между многими композиторами и поэтами-песенниками нет до сих пор постоянного творческого содружества. Л. Ошанин призывал больше привлекать к песенному творчеству молодых поэтов.

В свою очередь композиторы Е. Жарковский, Л. Бакалов, а также поэт Я. Шведов упрекали многих поэтов в том, что они расценивают песенную поэзию, как поэзию второго сорта. Надо учиться у М. Исаковского, говорил М. Блантер, он каждую свою песню может включить в сборник своих стихов. Блантер отметил, что мало еще критических статей о песнях, а между тем, не так уж все благополучно на этом фронте. Немало упреков пришлось услышать в этот вечер представителям Музгиза — за плохое редактирование, малые тиражи песен. А. Безыменский поднял вопрос о сатирической песне.

Новые стихи прочитали на вечере А. Безыменский, Ф. Белкин, К. Ваншенкин. Свои новые песни исполнили М. Табачников и Л. Бакалов.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

ИЗ ХРОНИКИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

* **Музыкальный лекторий.** В Хабаровске начал свою работу городской лекторий филармонии. Открыты десять его филиалов в высших учебных заведениях и заводских клубах.

* **Сельские клубы в Грузии.** В селе Октомбери Зугдидского района закончилось строительство клуба со зрительным залом на 500 мест. Новые клубы открылись также в селах Чхориа и Корцхели этого же района. Фундаментальное здание Дома культуры, в котором будет зрительный зал на 700 человек, строится в селе Натанеби Махарадзевского района.

* **Для дошкольников.** В Николаевске-на-Амуре построено новое двухэтажное здание детского сада, большой зал которого расписан по мотивам русских народных сказок. За последние три года в Хабаровском крае создано более 70 новых детских садов.

* **50 лет на сцене.** Театральная общественность Риги отметила пятидесятилетие сценической деятельности народного артиста республики А. Амтмана-Бриедита. Он сыграл в своей жизни около 250 ролей и поставил около 200 спектаклей.

* **Выставка китайского искусства.** В Ашхабаде открылась выставка изобразительного искусства Китая. Выставка будет открыта до февраля будущего года, затем с ней ознакомятся жители других городов и районов республики.

* **Зимой в колхозе.** На постоянную работу в эстонский колхоз «Эсимене» Сууре-Яанинского района приехала агроном Леонтине Каллас. Много работы у молодого агронома. Фоторепортер В. Горбунов заснял ее во время подготовки к лекциям, которые она читает на трехлетних агро-зоотехнических курсах, созданных для колхозников.

ЭПОПЕЯ БОРЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ

Е. ТРУЩЕНКО

Разные книги появлялись в эти годы во Франции. Были среди них книги-безделушки, назначение которых — развлекать праздную и ленивую мысль буржуазных эстетов каскадом поверхностных парадоксов; книги-лицемеры, старающиеся уверить читателя, что ничто не гнило в датском королевстве; были книги-отравители, источающие яд пессимизма и безволия, и книги-предатели, прославляющие измену национальному долгу, дезертирство, продажу отечества; книги-клеветники и книги-растлители...

Но всему этому хору голосов, лицемерящих, лгущих, льстящих, клевещущих и развращающих, противостоят иные голоса. Они звучат со страниц книг, которые являются подлинной духовной пищей народа, которые говорят народу правду о его врагах и о его друзьях. Их авторы — оглядываются ли они на прошлое, рассказывают ли о настоящем — всегда помогают народу увидеть будущее и дорогу к нему. Это книги прогрессивных французских писателей. Они свидетельствуют о новом расцвете реалистической литературы во Франции.

Создание произведений, талантливых, правдивых, жизнеутверждающих, озаренных верой в народ Франции, является ответом прогрессивных художников слова на призыв французской коммунистической партии противопоставить декадентским произведениям буржуазных эстетов, их пессимизму и обскурантизму искусство, понятное народу и помогающее ему в борьбе.

Среди книг прогрессивных писателей Франции, которые отображают социальное содержание нашей эпохи — битву прогрессивных сил за торжество дела мира и демократии — и которые позволяют говорить об утверждении в прогрессивной литературе Франции принципов социалистического реализма, виднейшее место занимает роман-эпопея Луи Арагона «Коммунисты».

Роман о трагических днях Франции нашел в наше время горячий отклик в сердцах и умах французских патриотов.

Эта книга сегодня является уроком и живым призывом. Заключенный в ней урок тем нагляднее, что американские монополии стремятся вновь возродить угрозу фашистского нашествия из Западной Германии, а французские реакционеры снова готовы торговать независимостью и честью Франции.

Роман Арагона — правдивое и страстное повествование о французском народе, о его борьбе за свободу и национальную независимость, о его лучших сынах и дочерях — коммунистах — живо заинтересовал миллионы читателей и других стран. За три года книги романа переведены на ряд европейских языков — немецкий, польский, чешский, румынский. Недавно роман вышел в переводе на русский язык * и уже нашел сочувственный прием у советских читателей.

«Коммунисты» Арагона — одно из значительнейших явлений современной литературы. На открытии месячника книги в Париже в апреле прошлого года Жак Дюкло оценил эту книгу как замечательное произведение, «без которого отныне невозможно будет познать и понять то, что происходило в 1939 году — в час, когда наша великая партия на ногах встретила бурю, грудью противостояла измене, была единственной выразительницей великих надежд нации и уверенности в будущем».

Не смогла замолчать роман Арагона и злопыхательская реакционная критика. Чтобы скрыть его подлинное значение, она стала прибегать к разным способам. Одни отрицали за романом художественную ценность, утверждая, что это якобы «просто пропагандистский памфлет», другие пытались расщепить это цельное произведение, противопоставляя «высокохудожественные страницы, на которых автор отвлекается от политики», всему роману в целом.

Стремясь дискредитировать роман, поборники «чистого искусства» преследовали вполне определенные политические цели. Так, например, реакционный критик Габриэль Венесэн заявил, что, поскольку якобы в борьбе французских коммунистов нет ничего эпического, постольку «коммунистическая действительность» не дает автору «Коммунистов» «романической материи», и он... «вынужден ограничиваться сказками». Так, сея недоверие к роману «Коммунисты», Венесэн пытался посеять недоверие к партии французских коммунистов. Но роман Арагона завоевал такое широкое признание передовой общественности Франции именно потому, что в нем впервые во французской литературе в масштабах большого эпического произведения героями выступают подлинные герои нации, взятые из живой французской действительности.

Вышедшие в свет книги эпопеи охватывают события кануна второй мировой войны и первых ее месяцев.

Трагический исход борьбы республиканской Испании против фашистов, поток беженцев через Пиренеи во Францию, описанный в прологе, — таков исходный пункт романа. В эпилоге шестой книги Франция показана накануне капитуляции, преданная и проданная ее правителями, брошенная под ноги фашистским захватчикам...

Трудно коротко рассказать о содержании огромного многопланового повествования, в котором изображаются важнейшие события одного из самых трагических периодов в истории Франции.

Сговор правителей Англии и Франции с Гитлером. Захват фашистской Германией Австрии и Чехословакии. Бешеная подготовка войны против Советского Союза. Лицемерные переговоры англо-французских представителей в Москве. Нападение Гитлера на Польшу. Так называемая «странная война» Франции и Англии против гитлеровской Германии и свирепая война реакционных правящих кругов французской буржуазии против демократических сил страны. Объявление компартии вне закона. Преследования коммунистов. Измена генералитета и правительства. Разгром и капитуляция Франции в июне 1940 года... И контрастом к этому — неуклонная деятельность сил прогресса и демократии: борьба Советского Союза за предотвращение войны, борьба французской компартии против фашизма, за свободу и национальную независимость Франции...

Писатель облекает факты истории в живую плоть человеческих судеб, он раскрывает характер и сущность событий через реалистические картины жизни всей страны, через восприятие и суждения своих героев.

Привлекает широта охвата социальной действительности в романе. Арагон ведет читателя в квартиры парижских рабочих и в особняки буржуазии, в министерские кабинеты и на собрания коммунистических ячеек, в заводские цехи и на заседания парламента... Действие переносится в кабинеты ученых и в полицейские застенки, на переднюю линию фронта и в оккупированные немцами селения, на дороги Франции, забитые беженцами и отступающими войсками, и в коммунистическое подполье...

Среди персонажей книги — рабочие, солдаты, студенты, офицеры, банкиры, министры, лидеры политических партий, ученые, писатели, генералы, полицейские, сыщики, фашистские молодчики. Более двухсот действующих лиц обрисовывает писатель, и многие из них показаны крупным планом.

Масштабы изображения социальных сил во всей сложности их взаимоотношений, в их борьбе и движении заставляют вспомнить крупнейшие достижения французской реалистической литературы — «Человеческую комедию» Бальзака, социальные романы Стендаля и Гюго, эпопею Золя «Ругон-Маккары». Арагон развивает лучшие традиции классического реализма и вносит новую струю во французскую литературу, утверждая в ней принципы реализма социалистического.

В сложнейшем переплетении событий, в движении социальных сил писатель умеет увидеть и показать главное — закономерность исторического развития. Оптимизм, основанный на глубоком понимании настоящего и предвидении будущего, составляет главную отличительную особенность его произведения.

Ясность цели, уверенность в торжестве того дела, за которое они борются, — неотъемлемое качество его героев-коммунистов. Именно поэтому лейтмотив романа можно услышать в короткой сцене, изображающей встречу двух коммунистов — рабочего Гильома Валье и учителя Устрика. Передавая мысли своих героев, Арагон говорит: «...у нас есть ясная цель. Видишь, куда идешь. Есть такая страна, где это уже существует. Не то, что раньше, когда это были только мечты».

Основной социальный конфликт нашей эпохи — борьба двух лагерей: лагеря империалистической реакции, войны и фашизма и лагеря социализма, демократии и мира — определяет и основной конфликт романа. В прологе мы впервые знакомимся с коммунистом Раулем Бланшаром, бойцом Интернациональной бригады в Испании, парижским металлистом. Покидая землю Испании и предвидя новые бои с фашистами — бои за Францию, Бланшар готов встретить их мужественно, идя навстречу опасности с открытым лицом. На этих же страницах романа появляется и представитель правящих реакционных кругов буржуазии — Висконти, депутат парламента от Восточных Пиренеев, готовый на соглашение с фашистами в ущерб интересам Франции и делу мира. Два эти образа олицетворяют две непримиримые силы, борьба которых проходит через все повествование, определяя собой главное содержание эпопеи.

Одна из важнейших идейных задач, которую поставил перед собой и блестяще решил писатель, — разоблачение могильщиков Франции. Беспощадно обрисован промышленник Виснер, для которого война — источник наживы. А капитуляция? Он и из нее сумеет извлечь выгоду. Под стать ему Вейсмюллер — представитель космополитствующей империалистической буржуазии; Лурмель, проповедующий непротивление фашистской агрессии; д'Эгрфейль, жаждущий покончить с силами единого народного фронта во Франции и дающий на это свои деньги.

Арагон срывает маски не только с французских реакционеров. Он с такой же страстью разоблачает международный сговор реакции, обнажает цели и причины второй мировой войны, показывает, что в ее подготовке и развязывании повинна вся система империализма.

Рисуя представителей буржуазного лагеря как враждебную трудовому народу силу, писатель в то же время раскрывает историческую обреченность этого преступного и хищнического мира. Недаром все эти люди пребывают в страхе, постоянном страхе перед народом, перед будущим. Роман показывает никчемность и душевную пустоту завсегдатаев светских салонов, обитателей аристократических особняков, господ из министерских кабинетов. Недаром Сесиль д'Эгрфейль, которая порывает с ненавистным ей миром, в разговорах этих людей слышит зловещие ноты, испытывает в их кругу ощущение яда, разлитого в воздухе, чувствует веяние смерти.

Вчитываясь в страницы, изображающие представителей буржуазии, страницы, на которых Арагон предстает и как сатирик, невольно думаешь о том, как сожалел, очевидно, реакционный французский журнал «Парю» о своем опрометчивом заявлении. Сразу после выхода в свет второй книги романа, стараясь очернить и принизить положительных героев Арагона, журнал «Парю» объявил, что в противоположность им «...больше всего удались Арагону образы представителей буржуазии».

Ценное, хотя и невольное признание!

Изображение агонизирующего мира буржуазии, его идейного и морального падения связывает новый роман Арагона с его предыдущими произведениями: с «Базельскими колоколами», «Богатыми кварталами», «Путешественниками на империале», «Орельеном». Но «Коммунисты» представляют собой более высокий этап идейного и художественного развития писателя. Критика капиталистического мира стала здесь беспощаднее и глубже. А главное, в этом романе дана несравненно более широкая картина борьбы прогрессивных сил народа против империалистической реакции, за светлое будущее Франции.

Отображая правду жизни, правду истории, Арагон показывает рабочий класс Франции и его коммунистическую партию как ведущую силу нации, как ее волю и ее разум. Он раскрывает глубокий патриотизм французских рабочих, их готовность до последнего дыхания защищать независимость, свободу и честь родины. «Две ночи сражались защитники Курьера. Две ночи и один день. Немцы сперва думали, что имеют дело с крупными силами. А их было всего человек сто — сто двадцать», — так начинается одна из глав второго тома, повествующая о простых людях Франции, которые продолжали мужественную борьбу против превосходящих сил врага и тогда, когда продажное правительство и генералитет не смогли, да и не пожелали организовать сопротивление фашистскому нашествию. И возглавлял эту горстку людей коммунист лейтенант Барбентан, которого холопы реакции пытались представить «предателем родины».

Клика могильщиков Франции объявила вне закона людей, выражавших и защищавших интересы народа, объявила вне закона коммунистическую партию. Но реакция оказалась неспособной подавить организованные действия коммунистов, поддержанные широкими народными массами. Волнующие эпизоды романа показывают, как партия продолжала и расширяла свою деятельность по сплочению всех здоровых сил нации и в период диких репрессий, обрушенных на коммунистов, и в период разгрома и капитуляции Франции.

В дни, когда гитлеровские полчища подходили к Парижу, а правители Франции замышляли капитуляцию, компартия потребовала вооружить народ, превратить войну против фашистских захватчиков в войну освободительную, войну национальную. В этом требовании с наибольшей силой выразилась воля коммунистической партии, воля лучших людей Франции отстоять отечество.

Картины мужественной и неутомимой работы членов партии написаны не только с большим художественным мастерством, но и с волнением непосредственного участника событий. Это характерно для современной прогрессивной литературы Франции, крупнейшим представителем которой является Арагон: изображению положительного героя, раскрытию его типических черт во многом помогает опыт борьбы писателей-коммунистов.

Живая связь с массами, опора на патриотов — вот что придает силу и непобедимость коммунистам — героям Арагона в армии и тылу, в легальных условиях и подполье. Журналист Арман Барбентан, став офицером французской армии, стремится найти путь к сердцу простого француза — солдата и офицера. Он не только помогает окружающим понять то, что их волнует, но и сам в общении с народом черпает силу для борьбы.

Когда рабочий-коммунист Гильом Валье попадает в среду новых для него людей, он прежде всего стремится распознать друзей и врагов. «Жить без товарищей — это все равно, что попасть в чужую страну и не знать языка, на котором там говорят».

Рядовые коммунисты — герои романа — это живые люди, люди из плоти и крови, различные по характерам, биографиям, судьбам. Арагон сумел наделить каждого из них яркими индивидуальными чертами. В то же время он раскрыл то общее, что их роднит и объединяет. И это качество романа бьет по реакционной критике. Ведь она старается уверить читателя, что социалистический реализм нивелирует образы героев. А перед нею роман, тонко и глубоко рисующий живые человеческие судьбы, любовь, дружескую и семейную привязанность, напряженную работу мысли, богатство душевного мира, невзгоды и радости повседневной жизни.

Достаточно обратиться лишь к одному из многих образов рабочих, хотя бы к Раулю Бланшару, чтобы увидеть, как лживо утверждение реакционного критика из журнала «Парю», который писал, что «рабочий мир подсказал ему (Арагону. — **Е. Т.**) лишь бесцветные сцены...». Арагон рисует Бланшара во всей сложности и богатстве его личной жизни и общественного дела. Это парижский пролетарий, активный участник битвы рабочего класса за свои права, антифашист и патриот. Есть в романе яркий эпизод — задушевная, умная, проникнутая теплой иронией беседа Бланшара с молодым рабочим Тото, которого сбили с толку правые социалисты. Эта беседа определила поворот в сознании юноши.

(Окончание на 2-й стр.)

* Арагон. «Коммунисты». Роман. Том первый. Том второй. Издательство иностранной литературы. Москва. 1953.

Международные отклики

ВАЖНЫЙ ВКЛАД В ДЕЛО МИРА

26 ноября Советское правительство направило правительствам Франции, Англии и США ноту, в которой, руководствуясь стремлением содействовать скорейшему урегулированию назревших международных проблем, выражает готовность принять участие в совещании министров иностранных дел Франции, СССР, Англии и США. В широких кругах общественности эта нота была воспринята, как новое свидетельство миролюбия советской внешней политики, готовности Советского Союза приложить все усилия к мирному разрешению всех спорных международных вопросов.

В самом деле, в течение длительного времени официальная американская пропаганда твердила о том, что Советский Союз якобы выступает против совещания четырех держав. Задавая тон этой пропаганде, президент Эйзенхауэр, например, назвал советскую ноту от 3 ноября «негативной» и заявил, будто в этой ноте «не проявляется никакого намерения собраться вместе».

Однако новая советская нота еще раз показала, кто же в действительности является сторонником, а кто — противником международного урегулирования. Советский Союз ясно заявил, что он вновь и вновь высказывается за безотлагательное рассмотрение как вопроса о смягчении напряженности в международных отношениях в целом, так и за особое рассмотрение вопроса о безопасности в Европе, с которым тесно связано разрешение германской проблемы. Безопасность может быть полностью обеспечена для всех европейских стран, если решение германского вопроса будет осуществлено в интересах восстановления единства и независимости Германии как демократического и миролюбивого государства.

Советское правительство сочло нужным заявить, что на совещании четырех держав им будет поставлен вопрос о созыве в ближайшее время, в целях уменьшения напряженности в международных отношениях, совещания министров иностранных дел Франции, Англии, США, СССР и Китайской Народной Республики.

Советская нота вызвала растерянность в определенных кругах США. Как показывают отклики, поступающие из Вашингтона, там меньше всего заинтересованы в каких бы то ни было встречах для мирного урегулирования назревших проблем.

Новую ноту Советского правительства, проникнутую духом подлинного международного сотрудничества, одобрительно встретили в широких общественных кругах Западной Европы. Такая реакция общественного мнения не могла не повлиять на позицию представителей Англии и Франции.

Признавая, что антисоветская пропаганда дала очередную осечку, реакционная газета «Вашингтон пост» пишет: «Фактически русские вырвали инициативу у Соединенных Штатов». Вашингтонский корреспондент агентства Юнайтед Пресс Гонсалес заявляет, что отношение англичан к новой советской ноте «озадачило» американских дипломатов. В то же время официальная реакция Вашингтона на советскую ноту весьма холодно была встречена в Париже и в Лондоне. Заявление представителя госдепартамента о том, что советская нота, мол, «вызвала разочарование» в западных странах, нашло весьма неодобрительный отклик во французской и английской столицах. Парижское радио прямо отметило, что позиция государственного департамента породила некоторое беспокойство в Лондоне. Американское агентство Юнайтед Пресс также признало, что «холодная американская реакция» на советскую ноту резко отличается от позиции Англии. Еще определеннее выразилась английская газета «Дейли экспресс». Предложение России принять участие в переговорах четырех держав, писала газета, «вскрыло резкое расхождение во мнениях между Англией, США и Францией».

С нескрываемой тревогой пишет об этом американский обозреватель Липпман в статье, опубликованной 1 декабря в газете «Вашингтон пост». «Из того, что я узнал в Европе, — указывает Липпман, — я убежден в том, что главная причина разногласий и столкновений между европейскими и американскими взглядами связана с позицией по отношению к смягчению напряженности. Наши официальные действия основаны на опасениях того, что если напряженность смягчится», то Атлантический союз и «европейское единство» «потерпят крушение».

Под давлением общественного мнения даже некоторые реакционные английские и французские газеты высказываются за незамедлительную встречу министров иностранных дел четырех держав.

Английская газета «Дейли телеграф энд Морнинг пост», откликаясь на советскую ноту, пишет: «следует приветствовать возможность деловых переговоров между Востоком и Западом». Эта газета, как и некоторые другие английские органы печати, обращает особое внимание на то место в ноте Советского правительства, где говорится о необходимости согласования усилий всех европейских стран в обеспечении безопасности в Европе. Французская газета «Франс-суар», с одобрением отзываясь о советской ноте, указывает, что, «по мнению некоторых квалифицированных парижских обозревателей, предложения Москвы представляются конструктивными и многообещающими».

Однако желание определенных кругов Франции и Англии начать переговоры по назревшим международным проблемам встречает явное противодействие за океаном. В связи с этим многие газеты Англии и Франции волей-неволей вынуждены ставить вопрос о необходимости покончить с политикой слепого подчинения американской дипломатии, срывающей все попытки уменьшить международную напряженность. Показательны в этом отношении высказывания английской газеты «Рейнольдс ньюс». Газета пишет: «Англии уже давно следовало — совместно с Францией или без ее участия — заявить Америке, что мировая общественность более не потерпит обструкционистской тактики в отношении всякой попытки обеспечить созыв совещания великих держав для того, чтобы попытаться притти к мирному урегулированию».

Советский Союз неоднократно демонстрировал свою решимость добиться смягчения международной напряженности и скорейшего урегулирования назревших проблем. В последней советской ноте, как и в нотах от 4 августа, 28 сентября и 3 ноября, намечен конкретный путь к достижению этой цели.

ЛИТЕРАТОР

По поводу одного матча

Месяц назад английский футбольный союз праздновал свой 90-летний юбилей. В один из юбилейных дней в Лондоне состоялся матч между сборной командой Англии и сборной командой, составленной Международной федерацией футбола из игроков Австрии, Италии, Югославии, Испании и Западной Германии. Этот матч закончился вничью со счетом 4 : 4.

Победой над сборной командой федерации организаторы матча хотели утвердить за англичанами потерянную ими славу сильнейших футболистов континента. Справедливости ради следует сказать, что даже в случае выигрыша у английских футболистов не было бы никаких оснований считать себя сильнейшими, так как в команде, с которой они встретились, не играл ряд лучших футболистов Европы. Дальнейшие события подтвердили это.

25 ноября в Лондоне в присутствии ста тысяч зрителей та же сборная команда Англии встретилась со сборной Венгрии. Если футболистам пяти стран не удалось победить английскую сборную, то эту задачу со счетом 6 : 3 выполнили футболисты народно-демократической Венгрии. Впервые за 90 лет сборная Англии была побеждена на своей территории иностранной командой. Даже «Дейли мейл» вынуждена признать венгерскую команду самой лучшей, которая когда-либо играла в Англии.

Венгерский футбол, существующий уже полстолетия, расцвел лишь с установлением в стране народно-демократического строя. Спорт приобрел подлинно народный характер. В спортивные общества, в футбольные клубы устремилась молодежь, которая, пользуясь широкой поддержкой государства, стала овладевать высотами спортивной техники. Никогда еще в истории Венгрии ее спортсмены не имели такой блестящей плеяды чемпионов и рекордсменов во многих видах спорта.

Особенно хорошо организована в Венгрии система подготовки футболистов. После победы в Хельсинки на последних олимпийских играх венгерские команды отличились во многих международных матчах. В апреле этого года семь венгерских сборных команд встретились в турнире с семью австрийскими сборными командами, выиграв четыре встречи, проиграв одну и сделав две ничьих. Юные футболисты Венгрии вышли победителями на международных юношеских соревнованиях. Высоких результатов добились венгерские футболисты в играх на кубок Средней Европы. И, наконец, они получили право выступить в финальных играх на первенство мира 1954 года по футболу.

Советские футболисты приветствуют своих друзей — футболистов народно-демократической Венгрии с хорошей победой!

Игра венгерских футболистов характерна коллективностью действий, умело сочетающейся с индивидуальным мастерством. Победа венгерских футболистов в Англии — это победа народно-демократического, подлинно прогрессивного, спорта.

С. САВИН,
вице-президент Международной федерации футбола

Концерты зарубежных артистов

В столице с успехом продолжаются выступления артистов Германской Демократической Республики.

Вчера, 2 декабря, в Большом зале Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского состоялся концерт Государственного симфонического оркестра Союза ССР. Дирижировал профессор Франц Конвичный. В концерте принял участие флейтист профессор Эрвин Мильцкот.

На концерте присутствовал Чрезвычайный и Полномочный Посол Германской Демократической Республики в СССР Р. Аппельт.

***

В Малом зале консерватории дали концерт венгерские музыканты. Выступил струнный квартет имени Татраи. В составе квартета Вильмош Татраи, Альберт Рени, Эде Банда, Йожеф Ивани. В программе концерта — квартеты Моцарта и Бетховена, а также венгерского композитора лауреата премии имени Кошута Лоито.

ЭПОПЕЯ БОРЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Она подготовила его приход в ряды компартии. Бланшару не легко в этой беседе потому, что нет у него готовых ответов на все вопросы собеседника. Но коллективный опыт партии помогает ему найти эти ответы.

Мы видим Бланшара в роли профсоюзного руководителя, терпеливого, настойчивого, заботящегося о политическом росте людей труда. Мы видим его и в семье и среди товарищей. И в этих сценах тоже раскрываются благородство его души, чистота чувства, забота о близких, верность... Идя на огромный риск, спасает он Антонио, раненого испанского бойца, друга по оружию. Нежность, тревога и гордость за любимую согревает его встречу с женой Полеттой, когда она приходит к нему на свидание в гарнизон.

Любовно нарисован и образ слесаря Гильома Валье, для которого партия была «логикой его класса». Перед отправкой в армию он впервые привел на партийное собрание молодую жену Мишлину. Партия в его представлении — боевая семья, связывающая товарищей по борьбе узами дружбы и верности. И партии он вверяет судьбу Мишлины.

Жизнеутверждающая сила чувств свойственна Гильому. Вот он узнает о рождении сына: «...Всю дорогу в Париж Гильом был полон огромной, бьющей через край радости, ему хотелось кричать, прыгать, кувыркаться — ведь у него сын, с-ын!.. Последнее время он ходил мрачнее тучи, отовсюду шли только худые вести... аресты товарищей... закон Сероля... И вдруг в этот густой мрак врывается солнечный луч, само солнце. Мишлина, маленькая ты моя, куколка! Он вслух смеялся своим мыслям. А вдруг он станет эгоистом? Забудет все на свете? Нет! Тут было другое! Только теперь он всем сердцем усвоил великий урок жизни — он знал, что вопреки всему, вопреки разной сволочи жизнь продолжается, она повсюду... Нет, не зря мы боремся».

Ясный свет, сила, духовное здоровье и чистота, которую вносят в роман образы передовых борцов, — непосредственное выражение оптимизма повествования Арагона. Основа этого оптимизма — неколебимая вера в народ Франции, в его мудрость и силу, в его светлое будущее. Поэтому слова: «Видишь, куда идешь!» — девиз Арагона и его героев.

Рисуя коммунистов носителями передового мировоззрения, новой морали, революционного гуманизма и патриотизма, писатель характеризует их как здоровое и жизнетворное ядро народа, его надежду, его будущее. Именно поэтому к рабочему классу и его коммунистической партии тянется все, что есть в народе чистого, честного. Объединение всех патриотов, всех честных французов вокруг коммунистов в борьбе за общее дело — одна из важнейших тем романа.

Глубоко зная социальную жизнь Франции, Арагон показывает, сколь своеобразны пути, которыми приходят честные французы — представители различных классов и общественных прослоек — в прогрессивный лагерь.

Ювелир Робер Гайяр задумывается над жизнью под впечатлением поездки в Советский Союз. «Мы вернулись потрясенные, слышите, потрясенные!.. — рассказывал Гайяр о своей поездке. — Мы вернулись в таком настроении, как будто шампанского выпили: хотелось на всех перекрестках кричать правду, говорить всем, всем: поезжайте, убедитесь сами!» В трудные для Франции дни были у Робера и колебания и страх. Но пример героизма французских патриотов помог ему преодолеть слабость, которой он поддался перед лицом опасности, и занять позицию убежденного в правоте своего дела человека.

Противоречив и мучителен путь ученого-химика Баранже. В критический момент он не нашел в себе мужества, чтобы порвать с коллегами, тянувшими его в болото реакции, спровоцировавшими его подписать реакционный документ. Тяжелые моральные страдания принес Баранже и его семье этот шаг. Но поддержка его истинных друзей — коммунистов помогает ученому вернуться к передовым людям страны, взгляды которых он разделял.

Своим путем приходят в лагерь защитников прогресса и демократии такие разные люди, как адвокат Ватрен, полковник Авуан, студент-медик Жан де Монсэ и Сесиль д'Эгрфейль.

Сложная история отношений Жана и Сесиль занимает большое место в романе. Их исканиям и личным переживаниям Арагон уделяет много внимания. Однако это не снижает идейной направленности повествования, в чем несправедливо упрекали писателя некоторые критики. Фигура честного буржуазного интеллигента, который бьется в сетях опутывающих его предрассудков, не в силах сразу освободиться от них, характерна и актуальна для современной французской действительности. Нет, писатель не грешит против правды жизни, показывая, как долог и труден путь человека, подобного Жану, которому нужно сбросить груз и смыть грязь старого мира, окружающего героев книг Арагона, прежде чем он сможет стать борцом. Жану нужно было пройти через пытки в полицейских застенках, через горнило войны, испить горечь разгрома Франции и, главное, увидеть пример коммунистов, чтобы притти к осознанному участию в борьбе прогрессивных сил.

Показывая, как сплачиваются все честные силы народа в едином лагере борьбы против фашистской агрессии, против войны и империалистической реакции, писатель раскрывает направление общественного развития, историческую правоту лагеря мира и прогресса. И в этом тоже находит выражение его передовой творческий метод.

В газетной статье трудно охватить все идейное и художественное богатство этого многопланового, большого и сложного произведения. Множество важных и актуальных проблем ставит и решает Арагон в своем романе. Через всю книгу проходит тема Советского Союза, как защитника мира и демократии. Правдиво и страстно раскрывая роль Советского Союза в борьбе миролюбивых народов, автор «Коммунистов» следует историческим традициям прогрессивной французской литературы, традициям Барбюса, Роллана, Вайян-Кутюрье.

Страницы и главы, посвященные миролюбивой политике СССР, звучат с особенной силой сейчас, когда французский народ настойчиво требует вернуть мощь и действенность франко-советскому договору о союзе и взаимной помощи.

Мы видим в романе, как образ Советского Союза вселяет надежду в сердца честных французов, а пример мужества советских людей помогает им в борьбе. Нельзя без волнения читать главу об ослепшем солдате-коммунисте Жозефе Жигуа. Чтобы помочь потерявшему мужество товарищу, Жозеф рассказывает о судьбе Николая Островского, о героях книги «Как закалялась сталь»...

Изобразительные средства романа, его композиция и стиль требуют обстоятельного разбора. Мы укажем лишь на некоторые его художественные особенности. Эпопея «Коммунисты» представляет собой монументальную историческую хронику, документальную и художественную летопись. События вымышленные, но полностью соответствующие исторической правде, стоят рядом с фактами, действительно зафиксированными хроникой тех лет. Конкретные исторические личности действуют на его страницах рядом с образами, созданными творческой фантазией художника.

Сложно и своеобразно композиционное построение эпопеи. Ее книги состоят из коротких глав, которые, перенося читателя из одного уголка Франции в другой, знакомят с самыми различными общественными группами, раскрывая все новые и новые черты характера действующих лиц. Композиция — гибкая, многоплановая — позволяет писателю всесторонне обрисовать сложную историческую обстановку. Главы-эпизоды, объединенные судьбами главных действующих лиц, соединяются в одну большую впечатляющую картину.

Художественное мастерство Арагона проявляется в тонкости и точности психологических характеристик действующих лиц. Вот один пример — образ секретаря партийной ячейки Франсуа Лебека. Неизгладимая печать его профессии — банковского служащего, казначея — лежит на этом человеке. Исполнительность и аккуратность, педантизм и некоторая недоверчивость, воспитанная в нем долгими годами банковской работы, сказывались во всем — в его жизни, в быту, в партийной работе. «Надо понять Лебека, — с легкой иронией и глубоким сочувствием говорит Арагон. — ...Вот уже скоро двенадцать лет тянется все то же... Он сидит за конторкой перед окошечком, одержимый одной мыслью: как бы кто не подсунул фальшивую бумажку, чек без обеспечения или с подделанной подписью, дрожит, как бы ошибка в подсчете не оказалась для него роковой. Его уже так вышколили сомневаться во всем, быть педантичным до мелочей, всегда требовать оправдательный документ... в конце концов, эта привычка стала неотъемлемой частью его существа, его мировоззрения, нравственного кодекса».

В романе мастерски показано, как большое и священное дело — партийная работа, а потом и подпольная борьба выковывают из Лебека стойкого и убежденного коммуниста. Постепенно избавляется он от некоторой ограниченности взглядов. Сохранив свою исполнительность и аккуратность, Лебек обретает доверие к людям, начинает верить в то, что вокруг него много друзей. Непосредственно радуется он при каждом успехе в партийной работе. Так меняется, так становится шире и глубже его взгляд на жизнь.

Язык романа соединяет богатство разговорной и литературной французской речи. Каждый герой Арагона говорит так, как это присуще его среде, его внутреннему складу, его характеру, его профессии. Писатель использует и эмоционально насыщенный, приподнятый язык оратора, и грубоватую бытовую перебранку, и речь военных реляций, и «патуа» — диалекты французских провинций.

Мастерски владеет Арагон таким выразительным средством характеристики внутреннего мира персонажей, которое в стилистике называется «косвенно-прямой речью», когда авторские описания размышлений действующих лиц окрашиваются присущей им интонацией.

Эмоциональное воздействие достигается им иной раз экономными средствами. Вот один только пример. Описывая отправку эшелона с новобранцами, Арагон говорит: «Поезд трогается не спеша, словно у него вся жизнь впереди», — и эта короткая щемящая душу фраза стоит развернутых описаний...

Можно было бы указать и на недостатки художественной формы романа. Отдельные главы иногда чрезмерно дробятся на обособленные эпизоды, а это придает пунктирность некоторым сюжетным линиям. Не все ведущие положительные образы достаточно всесторонне глубоко обрисованы. Так, например, Сесброн и Фельцер — образы, которые занимают значительное место в идейном замысле романа, — не наделены столь же яркими индивидуальными характеристиками, как Барбентан, Бланшар и другие герои, о которых мы уже говорили. Неправомерно подробны некоторые бытовые описания и сцены.

Но, разумеется, не этим определяется принципиальная оценка произведения. Роман Арагона вместе с лучшими произведениями Андрэ Стиля, Пьера Декса, Пьера Гамарра, Пьера Куртада, Роже Вайяна и других передовых французских писателей свидетельствует о больших успехах прогрессивной литературы Франции.

Всем богатством идей и образов своей эпопеи Луи Арагон раскрывает неопровержимость истины, которую выразил Морис Торез в своей книге «Сын народа»:

«В то время как все организации и партии во Франции гибли, охваченные смятением и разложением, или, хуже того, подлостью и предательством, в это время одна лишь наша Коммунистическая партия, руководствуясь высшими интересами Франции и ее народа, с первой же минуты встала на тот единственный путь, который вел к освобождению страны».

Именно поэтому, создавая национальную эпопею о Франции, борющейся за свою независимость и честь, Арагон с полным правом назвал ее «Коммунисты».

В столице Чувашской АССР Чебоксарах недавно открылся Дом художников.

На снимке: **в скульптурной мастерской Дома художников. Скульптор И. Ф. Кудрявцев заканчивает работу над проектом памятника чувашскому поэту Михаилу Сеспелю.**

Фото В. Мясникова

ЭТО БУДЕТ ПОКАЗАНО НА КИНОФЕСТИВАЛЕ ДЛЯ СЕЛЬСКИХ ЗРИТЕЛЕЙ

В сельских местностях начался Всесоюзный фестиваль научно-популярных и учебных сельскохозяйственных фильмов. Какие фильмы увидят в течение четырех месяцев фестиваля сельские жители? Будет показано свыше 140 картин — о достижениях мичуринской агробиологической науки и опыте передовиков сельского хозяйства.

Тиражом свыше двух с половиной тысяч копий размножен цветной киножурнал «Новости сельского хозяйства», посвященный квадратно-гнездовому способу посадки и посева сельскохозяйственных культур. Большой практический интерес представят для работников сельского хозяйства также фильмы, посвященные механизации и электрификации колхозного производства. Среди них — новый цветной научно-популярный фильм о комплексной механизации возделывания зерновых культур, а также кинокартины, рассказывающие о работе Сапожковской школы механизаторов (Рязанская область) и об одной из передовых тракторных бригад Азовской МТС Ростовской области.

Сельские жители увидят фильмы: «Повесть о жизни растений», построенный по книге К. А. Тимирязева «Жизнь растений»; «Путями Мичурина», показывающий, как советские ученые в небывало короткие сроки вывели новые сорта пшеницы, способные созревать в северных широтах; «Живая вода» — о новой системе орошения. На фестивале будут широко демонстрироваться и учебные фильмы из кинокурса «Ботаника», где при помощи кинообъектива раскрываются процессы, происходящие в организме растений, а также фильмы, посвященные важнейшим проблемам зоотехнии.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«БЕЗ СИСТЕМЫ, БЕЗ РУКОВОДСТВА...»

Под таким заголовком 9 июля в «Литературной газете» были опубликованы «Заметки о школьном кино», в которых шла речь о недостатках использования кино в учебно-воспитательной работе школ.

Заместитель министра просвещения РСФСР тов. Л. Дубровина сообщила редакции, что статья дает в основном верную оценку состояния кинофикации школ. Министерство просвещения РСФСР издало специальный приказ, предусматривающий устранение указанных в статье недостатков; направлено письмо министру культуры СССР по вопросу о широком внедрении кино в работу школ; подготовлены предложения по кинофикации школ, педагогических учебных заведений и детских учреждений.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Что стоит за „единичным" случаем...

ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ!

В нашем десятом классе тридцать два ученика. Все мы должны в этом учебном году окончить среднюю школу.

Но как нам быть, если у нас не читаются такие предметы, как физика и астрономия? Куда нам обращаться? Мы ставили вопрос везде и всюду, и все — безрезультатно.

Мы просим помочь нам и позаботиться о нашей судьбе.

Неслыханное положение!

С уважением, учащиеся 10-го класса Плотянской средней школы Рыбницкого района Молдавской ССР:

ВЕРЕТЕНО Надежда, **ЦУРКАН** Якоб, **КУШНИР** Зинаида, **ПЛАТОНОВ** Сергей, **ГРЕБЕНЮК** Люба, **БОРДЮЖА** Якоб и другие (всего 32 подписи).

◇◇◇

От редакции. В Министерстве просвещения Молдавской ССР несколько подивились приезду специального корреспондента газеты по такому, казалось бы, «незначительному» поводу, как письмо десятиклассников Плотянской школы. Разве ж это такой важный, принципиальный вопрос? А случай в Плотянской школе, по мнению работников министерства, — это единичный, не типичный случай. Есть ли в министерстве учет подобных фактов? Нет, такого учета нет. Вот, пожалуйста, сведения по выполнению всеобуча, сведения по политехническому обучению. А в каких школах не преподаются какие предметы, — это министерству точно не известно.

— В ближайшее время мы решим вопрос с преподаванием физики в Плотянской школе, — спокойно заключил начальник Управления школ тов. В. Сафонов. — Тут ведь нет каких-либо глубоких причин: просто не захотел учитель физики из районного центра ехать на работу в село. Сейчас вызываем его в Кишинев для объяснений. Все будет в порядке!

Но как часто бывает, что один и тот же факт вызывает у разных лиц совершенно различное отношение! То, к чему в Министерстве просвещения отнеслись невозмутимо, как к рядовой «неувязке», в скромном здании сельской школы в селе Плоть оценивается, как «неслыханное положение». То, к чему спокойно отнесся начальник Управления школ министерства тов. В. Сафонов, вызывает законное возмущение учениц десятого класса Плотянской школы Надежды Веретено и ее товарищей и подруг.

В просторном классе за партами сидят юноши и девушки, которые весной будущего года выйдут в большую жизнь. Они хотят начать ее хорошо подготовленными, вооруженными прочными знаниями. В Плотянской сельской школе выросло немало людей, которыми гордятся односельчане, среди них есть заслуженные врачи, известные писатели Молдавии, партийные и советские работники, учителя, агрономы. Все они учились в родном селе только первые семь лет, затем уезжали в районный центр, в большие города, чтобы продолжать учение.

Тридцать два десятиклассника, приславших письмо в редакцию, будут первыми выпускниками, получившими в родном селе Плоть законченное среднее образование. Как же могут они спокойно относиться к тому, что в прошлом году почти не преподавалась математика, а потому на второй год осталось восемнадцать учеников? Как не понять их горячности, когда они говорят о том, что и в этом году до 28 сентября не было уроков математики, а когда, наконец, приехала молодая, только что окончившая институт учительница, на нее пришлось взвалить непосильную нагрузку — пятьдесят два часа в неделю? Как не понять их беспокойства, когда прошла почти половина последнего года учения в школе, а до сих пор не было ни одного урока физики и астрономии?

Многие из плотянских школьников учатся так, что имеют право на высшее образование. Будущее тридцати двух советских молодых людей — к этому никто не смеет относиться безразлично!

Когда в Министерстве просвещения Молдавской ССР все-таки начали выяснять, где не хватает учителей и потому не преподаются некоторые предметы, то оказалось, что так же, как в Плотянской школе, обстоит дело еще в десяти школах республики. Не преподают иностранный язык в некоторых классах Гировской семилетней, Кицканской, Нерешской и Кринэуцкой средних школ. В Валя-Трестенской семилетней школе не преподают русского и французского языков, в Дегеневской средней школе — химию и естествознание, в Изворской — молдавский язык и математику, в Братуленской — русский язык, в Твардицкой — химию. В Стурзовской средней школе нет двух учителей начальных классов.

Список, каким располагает отдел кадров министерства, далеко не полон. Можно было бы включить в него, например, Больше-Молокишскую среднюю школу, где не преподается химия. Нет в этом списке и других школ, где лишь по сводкам все обстоит благополучно. В самом деле, если в Андреевской семилетней школе русский язык преподает учитель химии и естествознания, а в Малаештенской средней школе учительница молдавского языка преподает математику (лишь по той причине, что этот же предмет преподает ее муж), — можно ли не видеть серьезных упущений за мнимым, формальным благополучием?

Таким образом, «частный, единичный» случай, если к нему внимательно присмотреться, оказывается вовсе не частным и не единичным, приобретает характер проблемы. Он заставляет внимательно изучить и такой, казалось бы, случайный факт, как отказ одного из учителей выехать на работу в село.

Школы Молдавской республики должны были получить к началу учебного года 1644 новых учителя. На самом же деле сейчас работает из них лишь 1170. Кишиневский университет, например, должен был дать Министерству просвещения республики 155 выпускников, дал же только 106, но и из этого числа лишь 46 стали школьными учителями. Причины? Самые различные. Есть и вовсе неуважительные. Как бы там ни было, но даже и от подыскания уважительных обстоятельств не легче ученикам Плотянской сельской школы, не легче учащимся школ тех глубинных районов, которые получили очень немного молодых учителей.

В Плотянской молдавской средней школе должны и будут преподаваться физика и астрономия! В этом можно не сомневаться. И хотя трудно возместить полностью ущерб, нанесенный десятиклассникам, — многое можно и нужно наверстать. Будем уверены в том, что тридцать два выпускника этой школы успешно завершат учебный год и найдут свою широкую жизненную дорогу, как находят ее все советские юноши и девушки.

Будем надеяться и на то, что министр просвещения Молдавской ССР тов. А. Барановский за большими общими задачами народного образования не будет упускать ни одного «единичного факта», ибо в любом таком факте всегда заключена судьба человека, дорогая для всех нас судьба юного строителя коммунизма.

ФЕЛЬЕТОН

„Найти Собакина!"

Несколько веков тому назад епископа Гаттона, как повествует известная баллада В. А. Жуковского, заживо съели мыши. Съели за скупость.

Есть серьезные основания опасаться, что в двадцатом веке подобной участи могут подвергнуться и руководители Государственного юридического издательства: их могут съесть мыши, с той лишь разницей, что кара их постигнет за трусость.

Основание таким опасениям — сами мыши, появившиеся в чуланах издательства (Товарищеский переулок, д. № 19), где скопились изрядные залежи неизданных трудов.

Старожилы издательства рассказывают, что когда-то штатным расписанием Юриздата был предусмотрен кот Васька. Несмотря на то, что Васька добросовестно выполнял свои обязанности, он был уволен по сокращению штата, в силу чего сменил государственную службу на частную практику в соседнем жилом доме.

Широкая издательская и авторская общественность сначала расценила этот акт, как явление прогрессивное, по двум причинам: во-первых, сокращение кота позволило издательству экономить каждый месяц 1 рубль 26,5 копейки государственных средств; во-вторых, — и это, пожалуй, самое важное, — думали, что раз Васька сокращен, значит, дирекция издательства решила освободить чуланы от рукописей, то есть издать их.

Увы, надежды эти не оправдались: залежи в чуланах издательства не уменьшаются, а растут, грозя превратиться в кладбище юридических наук. Залежи из года в год растут, а количество изданий из года в год сокращается. Вот несколько скупых, скучных, а точнее, печальных цифр: в 1948 году издательство выпустило 47 монографий и учебников, в 1949 — 22, в 1950 — 26, в 1951 — 36, в 1952 — 14.

В текущем 1953 году издательство с мощным штатом в 90 человек, с миллионными средствами выпустило в свет... 4 монографии, 3 учебника и несколько брошюр объемом от 20 до 80 страниц.

Между тем в чуланах издательства месяцами и годами лежат десятки работ, многие из которых, увидев во-время свет, обогатили бы советскую юридическую науку, принесли бы пользу практической работе юристов. Тут и коллективные работы институтов, дополненные, переработанные, снова переработанные и снова дополненные; тут и труды авторов, сдавших рукописи по заказу и по договору с издательством, прорецензированные пятью-шестью рецензентами, исправленные и освеженные, вновь прорецензированные и освеженные, снова... замороженные; тут и рукописи, совсем никем не читанные, о судьбах которых авторы могут только гадать.

В недрах издательства покоится том «Курса советского гражданского права. Отдельные виды обязательств», здесь обрела вечный покой рукопись коллектива авторов «Развитие советского права в послевоенный период», похоронены IV том «Истории царской тюрьмы» профессора М. Н. Гернета и многие, многие труды многих и многих авторов.

В нашу задачу не входит давать оценку тем трудам, которые замурованы в чуланах издательства. Но мы разделяем возмущение ученых юристов и правоведов против неправильного отношения к их трудам, к их авторским правам.

Юристы совершенно серьезно и доказательно утверждают, что Юридическое издательство, руководимое директором тов. Недавним и и. о. главного редактора тов. Власовой, превратилось в барьер (они говорят — в бревно) на пути юридических наук.

Почему же Юридическое издательство перестало выпускать научную юридическую литературу? Почему некоторые ученые, пообтоптав безрезультатно пороги Юриздата, вынуждены издавать свои книги в других издательствах? В чем тут дело?

Дело в трусости и перестраховке.

В свое время некоторые книги, выпущенные издательством, критиковались в партийной и советской печати. Критика была правильной, справедливой, доброжелательной. Она имела целью помочь авторам, а также издательству освободиться в дальнейшем от ошибок.

Многие критикуемые авторы сделали вывод:

учесть критику, исправить ошибки в старых книгах и писать по возможности без ошибок новые книги.

Руководители издательства тоже сделали несколько выводов, столь же странных, сколь и вредных:

а) книг, в которых есть свежие мысли, незнакомые редакторам и директору издательства, или (боже упаси!) спорные положения, не издавать;

б) авторов, книги которых когда-либо подвергались критике в печати, в план издания не включать, а если, паче чаяния, их книги все-таки придется печатать, то фамилий авторов не указывать;

в) выпускать в свет, главным образом, то, что уже «апробировано» и критике не подлежит;

г) издавать труды (даже если они и плохие) только сверхавторитетных авторов, которых не всякий решится подвергнуть критике;

д) вообще, чем меньше издавать, тем спокойнее жить.

Усвоив эти заповеди, издатели вместо научных монографий и учебников стали выпускать преимущественно брошюры, а научные монографии и учебники издавать почти перестали.

Но как же быть с крупными трудами юристов, творческая мысль которых пытливо и неустанно работает над обогащением советской юридической науки? Как быть с рукописями, которые, к огорчению издателей, все время поступают в портфель издательства? С нетребовательными и скромными авторами можно поступить просто: взять рукопись, положить в чулан и на все запросы автора — ни гу-гу. Или, приняв рукопись, продержать ее полгода, а через полгода возвратить с надписью «освежить». После «освежения» продержать еще полгода и возвратить с резолюцией «на доработку». После «доработки» продержать еще год и вернуть с предложением «для коренной переработки».

Ну, а что делать с авторами настойчивыми, принципиальными или, как их называют в издательстве, «настырными»?

Что делать с авторами, ранее изданные труды которых когда-то критиковались в печати?

Таким авторам предлагается или убрать свои фамилии с титульных листов и книгу выпустить анонимно, или...

Вот тут-то и выплывает на свет божий метод перестраховщиков, именуемый кратко, но выразительно: «Зарецензировать». С недавних пор такой метод в кругах юристов получил афористичное название «Найти Собакина!»...

В 1952 году, по предложению издательства, Г. И. Морозов заключил договор на издание книги «Уголовная ответственность за пропаганду войны». В указанный договором срок автор представил в издательство рукопись. Ее дали рецензировать тов. Голунскому. Тов. Голунский сделал ряд серьезных критических замечаний и рекомендовал с учетом этих замечаний издать книгу, как весьма актуальную и нужную.

— Будем издавать? — спросили директора издательства тов. Недавнего.

— Нет. Пошлите на отзыв Захарову.

Послали на отзыв тов. Захарову. Тов. Захаров дал положительный отзыв.

— Будем издавать?

— Нет. Попросите прорецензировать Любомудрову.

Попросили рецензировать тов. Любомудрову. Тов. Любомудрова дала положительный отзыв.

— Издавать?

— Ни в коем случае! Поручите зарецензировать... то бишь прорецензировать тов. Молодцову. Да намекните ему, что... ну, сами понимаете, о чем намекнуть.

Поручили рецензировать тов. Молодцову. То ли ему не намекнули, то ли он не понял или не хотел понять намеков, но дал положительный отзыв.

— Придется издавать, товарищ директор?

— Не сметь издавать! Найдем рецензента, который сумеет зарецензировать.

Нашли услужливого рецензента тов. Собакина и сказали ему:

— Возьмите рукопись и дайте рецензию... отрицательную. Издавать мы работу не будем, но...

Работу зарецензировали.

Такая же примерно участь постигла работу Златковича «Судебное исследование и оценка доказательств по уголовному делу», труд Строговича «Уголовный процесс» объемом в 50 печатных листов и многие другие.

Нет, совсем не товарищеское отношение к авторам в Товарищеском переулке. Как это ни парадоксально, но в Юридическом издательстве много беззакония и произвола и авторское право попирается сплошь и рядом.

Авторы Коток и Куприц написали учебник по советской Конституции. Директор издательства вызвал тов. Котока и ультимативно предложил:

— Если желаете издать учебник, снимите фамилию Куприца.

— Почему? Он такой же автор, как и я.

— Значит, не хотите снять?

— Нет, не хочу, это беззаконие.

— Тогда книга не будет издана.

Авторы передали учебник в Учпедгиз, где он и был издан.

Фамилии большинства рецензентов тщательно скрываются от авторов. Разумеется, это удобно для Собакиных, но совершенно неудобно для авторов, которые лишены элементарного права говорить с рецензентами, публично возражать, спорить, убеждать, защищать, выслушивать и принимать к руководству аргументированные советы. Работники издательства запрятались в своих четырех стенах, отгородились от науки.

Поэтому неудивительно, что частенько книгу, в которой автор разрабатывает свежую, глубокую или сложную тему, да еще на 25—30 печатных листах, они берут в руки, как ежа, и, действуя по принципу «как бы чего не вышло», решают:

— Найти Собакина и зарецензировать.

Было бы желание зарецензировать, а Собакины найдутся.

И вот многолетние труды и отдельных ученых и целых научных коллективов, стремящихся внести свой вклад в советскую юридическую науку, зарецензированные по воле перестраховщиков каким-нибудь собакиным, становятся достоянием мышей.

Грустно и обидно.

Тем более, что Юриздат, как думается нам, не являет собой исключения. Опасливые директора и угодничающие рецензенты встречаются, к сожалению, не только в Товарищеском переулке, но и в других сферах — научных, театральных, литературных, кинодраматургических, эстрадных и прочая и прочая.

И губят они часто много полезного и хорошего. Губят потому, что в своих суждениях руководствуются не общенародной целесообразностью, а своим личным (зачастую весьма ограниченным) разумением и своим личным (зачастую дурным и субъективным) вкусом, трусостью и перестраховкой.

Все это в корне противоречит принципам развития советской науки, литературы, искусства. Обеспечить простор творческой мысли, не бояться выпускать в свет книги, ставящие те или иные вопросы в порядке творческой дискуссии, — не прямая ли это задача каждого издательства?

Хочется, очень хочется в служебные инструкции, которыми пользуются эти товарищи, вписать золотые слова Виссариона Григорьевича Белинского:

«Нельзя ничего ни утверждать, ни отрицать на основании личного произвола, непосредственного чувства или индивидуального убеждения: суд предлежит разуму, а не лицам, и лица должны судить во имя общечеловеческого разума, а не во имя своей особы. Выражения: «мне нравится, мне не нравится» могут иметь свой вес, когда дело идет о кушаньи, винах, рысаках, гончих собаках и т. п.; тут могут быть даже свои авторитеты. Но когда дело идет о явлениях истории, науки, искусства, нравственности — там всякое *я*, которое судит самовольно и бездоказательно, основываясь только на своем чувстве и мнении, напоминает собою несчастного в доме умалишенных, который с бумажною короною на голове, величаво и благоуспешно правит своим воображаемым народом, казнит и милует, объявляет войну и заключает мир, благо никто ему не мешает в этом невинном занятии».

Д. БЕЛЯЕВ

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

НЕУДАЧНЫЙ БАЛЕТ И ЕГО НЕПРОШЕННЫЕ ЗАЩИТНИКИ

Летом этого года Ленинградский театр оперы и балета имени С. М. Кирова показал свою новую работу — балет «Родные поля» Н. Червинского (сценарий Н. Корина) — работу, вызвавшую ожесточенные споры среди ленинградских (да и не только ленинградских) работников искусств, зрителей, писателей. Столь бурная полемика и широкий круг полемизирующих объясняются, конечно, прежде всего растущей потребностью советского общества, я бы сказала даже,— жаждой,— появления подлинно народных, действительно высокохудожественных, действительно правдивых и искренних произведений балетного искусства; вызвана эта полемика еще и тем, что балет «Родные поля» возбудил у работников искусств ряд размышлений, относящихся не только к жанру балета.

Мне тоже хотелось бы немного поговорить по поводу этого спектакля, хоть я и не специалист в области хореографии.

«Родные поля» — это балет на современную тему. А мы все, если так можно выразиться, ревнивы к современной теме, потому что нам нет ничего дороже нашей удивительной современности, нашей жизни, и, повторяю, мы хотим, чтобы произведения о нашей жизни — в любом виде искусства — были самыми совершенными, волновали сердца наших современников, доставляли им наслаждение, помогали им жить и творить.

И вот, к величайшему огорчению, этого, за исключением некоторых частностей, в балете «Родные поля» нет. И, главное, не может уже появиться путем каких бы то ни было «доработок», «дотягиваний», потому что самая основа балета — его драматургия — с точки зрения искусства несостоятельна.

У Белинского есть такие слова:

«Но в том-то и состоит задача реальной поэзии, чтобы извлекать поэзию жизни из прозы жизни, и потрясать души верным изображением этой жизни».

Если брать тему «Родных полей» совершенно общо, то можно сказать, что это стихия, природа и преобразующий ее советский человек, при этом живой человек, со всеми его страстями и чувствами.

Можно ли извлечь из этого «поэзию жизни» и сделать ее материалом балета? Несомненно! Только, по-моему, необходимо было извлечь ту поэзию, которую способно выразить, воплотить именно хореографическое искусство, теми средствами, которыми именно оно располагает. Но драматург, а за ним и постановщик (А. Андреев) отказались от этого и потащили в балет не поэзию, а такую «прозу жизни», которая ему противопоказана, в результате чего и балету почти пришлось отказаться от самого себя, от своего искусства.

На сцене, например, показан процесс молотьбы совершенно в «реалистических тонах»... Но при чем же здесь балет? Балерины, на пуантах подносящие снопы, выглядят странно, неестественно. Затем победившей бригаде в лице главной героини Гали вручается плакат, на котором изображено перевыполнение плана молотьбы (дано в процентном выражении)... Опять-таки балет здесь ни при чем.

К сожалению, недоверие к силам и свойствам, иначе говоря, к специфике данного искусства, и затем отказ данного вида искусства от собственных, свойственных только ему средств характерны не только для балета «Родные поля».

Так, например, по-моему, за последние годы наше кино неправомерно отказывается от собственных средств художественного изображения жизни, от своего, только ему присущего, «волшебства», как, скажем, динамика, кинометафора, кинотрюк. Техника кино все время развивается, кино обрело цвет, казалось бы, что может появиться интереснейшая, новаторская киноживопись (именно **киноживопись**, отличная от станковой), но, увы, за редчайшим исключением, как, например, в «Мичурине» А. Довженко, и ее почти нет.

Некоторые другие жанры нашего искусства почти целиком отказались от ряда тем, близких им, освященных вековыми и благороднейшими традициями. Так, из нашей лирики и из живописи за последнее время исчезла любовь во всей ее многогранности и драматичности. Пора над этим подумать очень серьезно.

В «Родных полях», несмотря на танцевальное мастерство всего коллектива и таких изумительных мастеров, как Н. Дудинская и К. Сергеев, исполняющих главные роли, почти начисто исчезло главное очарование балета — пластика, танец; исчезло его чудо, когда танцор всем телом своим, движением, мимикой рассказывает о больших человеческих чувствах, волнуя ими зрителя, доставляя ему высокое наслаждение.

В самом деле, может ли председатель колхоза — в картузе, в двубортном пиджаке и брюках, заправленных в сапоги, **станцевать** сцену чтения колхозницам номера газеты? Он пародиен, смешон, чужероден в балете с номером газеты в руках так же, как и почтенный профессор в отлично сшитом костюме, увешанный орденами и лауреатскими медалями, появляющийся на студенческом балу. Впрочем, когда студенты в бытовых костюмах, с рулонами чертежей в руках посредством «продолжительных па-де-зефиров», как сказано где-то у Козьмы Пруткова, изображают свою радость в связи с окончанием зачетной сессии, — это тоже не весело, а удручающее зрелище.

Что же касается исполнителей главных ролей (Андрея и Гали) — К. Сергеева и Н. Дудинской, — то следует только поражаться их мастерству и героизму, с каким они в некоторых моментах преодолевают навязанные им нелепые ситуации. Ведь сюжет либретто принадлежит к типичным «производственно-бесконфликтным сюжетам», от которых сейчас так справедливо и категорично отказываются и наша драматургия и театры.

О чем же идет речь в балете «Родные поля»?

Колхоз, находящийся в засушливом районе, должен строить гидростанцию. Он направляет в Москву, на учебу, молодого колхозника Андрея. Окончив институт и защитив дипломный проект, Андрей решает непременно остаться в столице и хочет, чтобы Галя, его невеста, тоже переехала туда. Но Галя, любя родные поля, не хочет уезжать из колхоза. Между женихом и невестой происходит размолвка, которая, однако, очень быстро и так же немотивированно ликвидируется. Андрей возвращается в колхоз, гидростанция построена, все ликуют и танцуют по этому поводу. Весь «конфликт» между Андреем и Галей от начала до конца высосан из пальца, фальшив, и поэтому, когда Галя получает письмо от Андрея с уведомлением, что он хочет остаться в Москве, спрашивается: что Дудинской танцевать? Разве между возлюбленными стоят какие-то непреодолимые препятствия? Разве есть материал для того, чтобы в танце балерина могла изобразить чувства, вызываемые в человеке действительной катастрофой, или, по крайней мере, действительным конфликтом? Конфликта-то никакого нет, есть только видимость его, значит, нет необходимой для спектакля драматичности, нет причин, вызывающих, если так можно выразиться, исполненный чувств танец. Балерина поставлена в ложное положение. Ее высокое искусство волнует зрителя само по себе, оно вовсе не связано с событиями, происходящими на сцене.

Артисты в этом спектакле находятся в таких сложных ситуациях, которые можно изобразить в статье, в очерке, наконец, в прозе, но никак не в балете,— например, уже упомянутый мною эпизод чтения «Правды» с постановлением об орошении засушливых районов. Недаром на совещании, происходившем в театре, говорилось, что зрители без конца шуршат афишками с либретто, чтоб выяснить смысл происходящего. Но ведь балет, его содержание должны быть предельно понятны!

И вот, присутствуя на «Родных полях» и все же радуясь высокому танцевальному мастерству коллектива, я испытывала, главным образом, чувство глубокой грусти оттого, что по отношению к прекрасному искусству допущена несправедливость и искусство невольно мстит,— перестает быть самим собой, перестает излучать поэзию жизни.

На этом можно было бы и закончить свои заметки. Но мне кажется важным сказать еще и о том чувстве, которое вынесла я с обсуждения этого балета. Разговор здесь шел, собственно, не только о самом балете, который еще в процессе его постановки обсуждался в театре страстно и неоднократно, но о редакционной статье, не так давно опубликованной в многотиражной газете Театра оперы и балета имени С. М. Кирова «За советское искусство». Эта редакционная статья, появившаяся как ответ на критическую статью о балете «Родные поля», напечатанную в журнале «Театр», производит угнетающее впечатление — так демагогичен, спекулятивен ее тон. Автор, осмеливающийся высказать иную точку зрения, объявляется в этой статье и гнилым идеалистом, и эстетом, и космополитом, а статья его квалифицируется не менее как «попыткой срубить под корню новое советское произведение». В то же время в статье «Родные поля» именуются «этапным спектаклем», всячески захваливаются.

Грубое, чисто рапповское по своему тону выступление газеты «За советское искусство» (редактор Н. Г. Гришанов) — это уродливое и недопустимое явление в нашей жизни. Авторы и редакторы этой статьи, которая лишь по недоразумению называется «За принципиальную и глубокую критику», воспользовались словом печати во вред нашему искусству, в защиту личных, а не общественных интересов.

И к чести коллектива театра необходимо сказать, что многие выступающие на обсуждении артисты балета «дипломатично» и с возмущением осудили эту статью... Так вот, чувство, вынесенное мной с этого собрания,— это глубочайшее уважение к мужеству настоящих художников, не пощадивших труда на творческие поиски, сумевших признать его результат неудачным, гордо отвергших попытки сомнительной защиты их неудавшейся работы. В этом творческом мужестве — залог того, что талантливейший коллектив Театра оперы и балета имени С. М. Кирова создаст настоящий советский балет на современную тему, воистину высокоидейный, поэтический и прекрасный.

Н. МАШКОВЦЕВ

ИСКУССТВО СЕВЕРНОЙ СТРАНЫ

Живопись Финляндии всегда отличалась своим ярко выраженным национальным и демократическим характером. С первых шагов финские живописцы XIX века обратились к родной природе. Ее суровый характер и резкие краски подсказали художникам композицию и колорит их произведений. Таковы пейзажи Фанни Гурберг, Виктора Вестерхолма, Бернта Линдхолма.

Имя Альберта Эдельфельта открывает значительнейшую страницу истории финской национальной живописи. Эдельфельт, блестящий мастер и последовательный реалист, глубоко чувствовал суровую природу Финляндии, характер народа, закаленного в борьбе за существование. Начав с исторической живописи, он вскоре перешел к картинам из народной жизни. Художник сумел показать лицо народа, упорного и трудолюбивого, показать его самые примечательные черты, внушающие зрителю глубокую симпатию и уважение. Таковы его «Рыбаки с дальних островов» — подлинный гимн человеческому труду.

Художником огромной творческой силы был Аксели Галлен-Каллела. Его ранние работы изображают крестьянский быт. В тесной избе пожилой крестьянин дает первый урок грамоты маленькой девочке, стоящей на коленях на табуретке. Она склонилась над книгой и с интересом вглядывается в открывающийся перед нею новый мир. С большой зоркостью отметил глаз художника множество деталей и крепко связал их в единое целое. Как правдиво переданы всклокоченная голова старика, свет, проникающий в оконце, свет, который сделал краски Галлена сверкающими, как драгоценность. Позднее Галлен перешел к монументальной живописи. Он создал ряд картин на темы финского народного эпоса «Калевала». Более ранние картины и иллюстративные гравюры носят некоторые следы стилизации. Но даже в «Матери Леммингяйнена» образ старой женщины своей трагической силой разрывает все путы условного стиля картины. Восемь лет спустя Галлен написал «Похищение Сампо». В этой монументальной картине могучее движение составляет основу композиции.

Множество художников, родственных Эдельфельту и Галлену, выдвинулось в это время. Смелым реалистом был Ээро Ярнефельт, который не побоялся правдиво изобразить гнетущий подневольный труд, уродующий человека.

Замечательны «Сплавщики у костра» Пекка Халонена. В создании национальных типов Халонену принадлежит одно из первых мест. Он глубоко понимал героику труда, изображая простых людей, полных человеческого достоинства, спокойных и сильных. Глубоко национален, народен колорит живописи Халонена; источником его является природа Финляндии, так же как и богатое национальное искусство Финляндии.

Гуманизмом проникнуты ранние работы Хелен Шерфбек, в особенности «Выздоравливающий ребенок», трогающий своей слабостью, неуверенными движениями, но уже крепнущим чувством возвращающейся жизни.

Детям посвящена также живопись В. Томэ. «Играющие мальчики» поражают своей жизненностью и глубокой правдивостью. Золотистый песок дает замечательный фон для гибких движений мальчишеских тел, мастерски изображенных во всей игре тонких оттенков.

В красивой, стилизованной живописи М. Энкелла уже сказывается, однако, опасность схемы, намечается губительный разрыв с жизнью.

К сожалению, некоторые современные финские живописцы отошли от традиций своих замечательных реалистов, попали под влияние формалистической школы. Они схематизируют формы и упрощают краски, стремясь достигнуть математического равновесия объемов и абстрактной гармонии цвета. Чувством цвета и умением строить цветовую композицию обладает, например, Эркки Куловеси, однако его картины далеки от жизни.

Среди работ финских графиков есть ряд явлений, радующих не только высоким мастерством, но и глубоким содержанием. Среди них в первую очередь должен быть назван талантливый Вяйно Аскола, чьи гравюры по дереву свидетельствуют не только о совершенно свободном владении техникой, но и об умении подчинить технику замыслу художника. В его гравюрах есть подлинный синтез, вытекающий из его восприятия природы, синтез, в котором не только не утрачивается, но обостряется характер национального пейзажа, отливаясь в значительный, впечатляющий образ. Реалистичны работы офортиста Х. Ниеминена, ксилографа Э. Тантту, литографии и офорт А. Финча.

Весьма примечательна финская скульптура. Одним из ведущих скульпторов является Вяйнё Аалтонен, чье разнообразное творчество богато представлено на выставке. Он выступает как монументалист (грандиозная фигура «Мир»), как портретист, как мастер передачи движения («Пааво Нурми, знаменитый бегун») и, наконец, как великолепный медальер. Выставка показывает, как сильны финские скульпторы в этом жанре. Среди скульпторов есть такой замечательный анималист, как Хэлви Хювяринен (особенно запоминается его «Рысь»), и такой изумительный резчик по дереву, как Албин Каасинен; его жанровые сценки полны глубокого понимания национального характера, проникнуты мягким юмором. Радует и молодое поколение скульпторов; выделяются портретные работы Эсси Рэнвалл и привлекательная пластика молодого Матти Аалтонена. Современная скульптура, как видно, теснее, чем живопись, связана с народной тематикой, и в этом нельзя не видеть залога будущего расцвета. Да и в живописи и в графике сквозь мертвую кору формализма порой пробиваются живые побеги народного реалистического искусства.

Вместе с глубокой благодарностью художественной общественности Финляндии и участникам выставки за полную и превосходно организованную ее экспозицию я позволю себе выразить душевное пожелание мастерам живописи Финляндии, чтобы в дальнейших своих работах они (по примеру своих скульпторов) твердо шли путем реализма, столь ярко выраженного у финских художников конца XIX — начала XX века.

И пусть монументальная статуя «Мир», осеняющая центральный зал выставки, близкая всему советскому народу, будет символом мира и дружбы между народами Финляндии и Советского Союза.

Книги для детей

Латвийское государственное издательство выпустило в этом году для юных читателей на латышском языке много книг, в том числе: «Витя Малеев в школе и дома» Н. Носова, «Васек Трубачев и его товарищи» В. Осеевой, «Встреча» В. Смирнова, сборник китайских народных сказок и другие. Массовым тиражом изданы на латышском и русском языках произведения для детей А. Саксе, А. Григулиса.

За послевоенные годы юные читатели республики получили книги более 550 названий, общим тиражом шесть с половиной миллионов экземпляров.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

✱ **В Вильнюсе** состоялось совещание молодых писателей, созванное ЦК ЛКСМ Литвы и Союзом советских писателей республики. В совещании участвовали 60 молодых поэтов и прозаиков. С докладом о состоянии советской литовской литературы и ее дальнейших задачах выступил председатель комиссии по работе с молодыми писателями М. Слуцкис.

В работе совещания принял участие председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР Ю. Палецкис.

✱ **Общественность Украины** отметила пятидесятилетие со дня рождения писателя А. М. Бойченко, автора трилогии «Молодость».

Сын киевского рабочего, А. Бойченко двадцати лет вступил в Коммунистическую партию. В 1929 году он был избран секретарем ЦК ЛКСМ Украины. Свои книги о жизни комсомола Украины в первые годы советской власти А. Бойченко написал, будучи прикован к постели тяжелым недугом. В 1950 году смерть прервала работу автора над последней частью трилогии. «Молодость» вышла в СССР 14 изданиями на украинском, русском, литовском, эстонском, латышском языках, опубликована в Болгарии, Румынии, Чехословакии, Польше.

Памяти писателя был посвящен вечер в Союзе советских писателей Украины, на котором с воспоминаниями о А. Бойченко выступили его товарищи.

✱ **На крайнем северо-востоке нашей страны** — в бухте Провидения — работает литературный кружок, который носит имя литовского писателя П. Цвирки. В кружок входят чукчи и эскимосы. За последнее время состоялись собрания кружка, посвященные творчеству Л. Толстого, Горького, Симонова, Кербабаева, Лациса, Венцлова, Цвирки и других. На морской зверобойной станции «Пловер» проведен литературный вечер. Эскимос Уха рассказал о работе кружка. Эскимоска Айнант посвятила свое выступление теме «Отражение дружбы народов СССР в советской литературе». Чукча Рытегвед сделал доклад «Что дала советская власть чукчам и эскимосам».

✱ **Вышла десятая книга альманаха «Земля родная»** (Пенза). Среди опубликованных произведений — первый роман сказительницы А. Анисимовой «Фрося» — о судьбе русской крестьянки.

✱ **В Великих Луках** состоялось областное совещание местных литераторов. На этом совещании и в семинарах обсуждались произведения, опубликованные в первом номере альманаха «Великолукская земля», и другие произведения молодых авторов. Обсуждены первая часть повести Л. Рудого «Августовские росы», рассказы П. Чередниченко, стихи А. Горюнова, П. Андреева, А. Боровского.

Избран новый состав бюро литературного объединения.

✱ **В литературно-мемориальном музее Ивана Франко**, в Киеве, открылась новая экспозиция. Здесь представлено недавно найденное первое издание сборника стихов И. Франко «З вершин і низин» (1887 год). Интерес представляет и неопубликованное сатирическое произведение «Парламентарный чёрт», в котором автор высмеивает германских милитаристов и реакционных членов французского парламента.

Найдены новые материалы, свидетельствующие о связи И. Франко с восточными областями Украины.

✱ **Литературно-рецензентский кружок** создан при библиотеке Львовского железнодорожного узла. Им руководит преподаватель Львовского педагогического института доцент Поздняков. Инженер Базикайло готовит рецензию на книгу М. Исаковского «О поэтическом мастерстве». С рецензией на пьесу А. Макаёнка «Камни в печени» выступит режиссер украинского драматического кружка Дворца культуры железнодорожников Симоненко. Сотрудница финансового отдела управления дороги Гренаковская работает над рецензией на роман С. Болдырева «Решающие годы».

Первая повесть

З. КЕДРИНА

Вступление молодого писателя в литературу схоже с выступлением нового оратора на собрании. Один оратор обращается к собранию, потому что не может молчать, потому что видит и знает что-то такое, чего не видят, не знают, не сказали другие, но что очень важно и нужно сообщить для успеха общего дела, за что нужно бороться, что нужно отстаивать всеми силами. Другой выступает только потому, что люди выступают, а он может поговорить о том же самом и ничуть не хуже.

Нужно ли доказывать, насколько важнее, нужнее и интереснее иногда пусть и шероховатое выступление человека, голосом которого говорит сама жизнь, чем хотя бы и гладкая, но вялая речь оратора, идущего по чужим следам.

Нам думается, что первая книга завоевывает право на выход в свет прежде всего той новизной взгляда на действительность, какую приносит свежий человек, идущий из жизни в литературу, и которая, как правило, служит основой для выявления писателем своей оригинальной авторской манеры, своей формы и стиля.

Мы знаем такие первые книги, как «Чапаев» Дм. Фурманова или «Как закалялась сталь» Николая Островского, как «Танкер «Дербент» Ю. Крымова или «Педагогическая поэма» А. Макаренко, которые стали издалека видными вехами на пути развития нашей литературы. Ажаев, Полевой, Казакевич, Панова и многие, многие другие любимы советским читателем за то, что открыли ему новые, волнующие и важные стороны действительности и увлекательно, талантливо о них рассказали.

Наши журналы и альманахи за последние годы печатают много первых повестей и романов молодых авторов. Однако редакции далеко не всегда учитывают и требование творческой новизны и требования художественного мастерства.

Владимир Тендряков выступил в альманахе «Год 36-й» со своей первой большой повестью «Среди лесов». Это произведение, очень еще шероховатое, привлекает едва ли не с первых страниц каким-то свежим, своим углом зрения на жизнь.

Мы уже попривыкли к благообразным, приглаженным картинам сельской жизни с патефонами и кисейными занавесками в добротных домах, с изящными молодыми девицами в цветастых шелковых платьях на первом плане. А здесь автор смело вводит читателя в захиревший колхоз и показывает председателя-фронтовика Митю Спевкина, первого ухажера и плясуна по округе, который рад бы, да не знает, как взяться за дело.

Тендряков увидел и, не обинуясь, показал, что «...рядом с колхозами-миллионерами, которые строят электростанции, проводят водопроводы, воздвигают целые животноводческие городки, бок о бок стоят колхозы, где крыши хозяйственных построек рушатся от ветхости, где только особо урожайный год, год-удача мог дать полновесный трудодень, где многие стремятся уехать из колхоза,— кто в город на производство, кто поближе к райцентру, на промкомбинат». Тендряков не побоялся быть последовательным и показал корень зла, заключающийся в плохом руководстве районом, в частности со стороны секретаря райкома Паникратова, который не сумел перестроиться на новый лад и культивирует методы командования, штурмовщины и аврала. Как лучшее воспоминание, хранил Паникратов память о войне, когда прорывы отстающих колхозов покрывались за счет передовых, но все же под его руководством «Кузовский район продолжал помогать стране вдвое, втрое больше, чем он помогал до войны».

Паникратову казалось, что, когда кончится война, «...пойдет легкая жизнь — вернутся с фронта люди, появятся новые тракторы. Люди вернулись, новые тракторы появились, а руководить районом стало сложнее, труднее». И вот Паникратов и его уполномоченные мечутся по полям, командуют, пытаются залатать дыры в поставках, попрежнему покрывая недодачу отстающих за счет хорошей работы передовых. В негодной этой системе руководства, ставшей тормозом развития колхозной жизни, Паникратов, инструктор райкома Лещева и им подобные неизбежно вступают в конфликт с передовыми людьми района. Они не только проходят мимо ценной инициативы помощи сильных колхозов слабым, но и зажимают ее, стремясь скомпрометировать и даже исключить из партии упрямого и «дерзкого» председателя передового колхоза Трубецкого. Разоблачая Паникратова и паникратовскую «систему» руководства, Тендряков вместе с тем показывает новое, здоровое движение взаимопомощи колхозов, пробуждающее новые силы, вовлекающее в сознательное, целеустремленное творчество все большее и большее количество людей.

То, что В. Тендряков, смело вторгаясь в жизнь всем своим (еще во многом не совершенным) произведением, воюет за перестройку колхозной работы, за новый подъем колхозов на высшую ступень, позволило ему притти и к некоторым назревшим вопросам колхозной жизни.

Так, например, председатель колхоза студент-заочник зоотехнического факультета Роднев ставит вопрос о необходимости привлечь агрономов-специалистов к руководству колхозами: «У нас все агрономы в «Заготзерне» и райсельхозотделе сидят, накладные подписывают, издалека командуют».

А вот как показаны методы руководства инструктора райкома Лещевой:

«Роднев ждал, когда Лещева освободится, чтобы поговорить с нею на досуге, не торопясь. Но Лещева прошлась по полям, заглянула в амбары, на сушилку и, остановясь около кузницы, помахивая тощим офицерским планшетом, сделала выговор Спевкину и кузнецу Прутову за не отремонтированные до сих пор телеги. Затем инструктор прочно уселась в легкую плетушку и на прощанье сказала:

— А сдвиг у вас есть...

И уехала в другой колхоз».

Повесть В. Тендрякова оказалась в полном смысле актуальной.

Однако, отмечая явление жизни, он далеко не всегда умеет показать его художественными средствами. Иногда он ограничивается иллюстрациями, иногда недописывает интересно начатые образы.

Рядом с такими живыми и художественно законченными фигурами, как Паникратов, его любимая, трактористка Мария, или председатель колхоза Трубецкой, в повести существуют едва намеченные иллюстрации типа Лещевой или лишь наполовину написанные, а наполовину схематично обозначенные образы, как Спевкин и Степан Груздев. Рядом с трогающими своей жизненной простотой и убедительностью взаимоотношениями Паникратова и Марии, где все — и первая радость любви, и охлаждение, и разрыв — живо и убедительно, существует искусственно усложненная история чувства Роднева к Марии. Рядом с яркими сценами вдохновенного коллективного труда, а также веселья, рядом с реалистически подробно написанными грустными картинами запустения в отстающем колхозе, рядом со свежими, как сама природа, сельскими пейзажами — сухие информационные сценки «делового» характера вроде совещания о свиноферме в правлении Лобовищенского колхоза.

Видно, что редакция альманаха «Год 36-й», правильно оценив дарование автора, не сумела достаточно основательно поработать с ним.

Другой молодой автор опубликовал в №№ 8 и 9 «Октября» свое первое большое произведение «Родники». Казалось бы, немало общего в судьбе этих двух, таких различных повестей. Сергей Крутилин, так же как и Владимир Тендряков,— молодой журналист, и его повесть является результатом продолжительных наблюдений над жизнью колхозов. Но если В. Тендряков стремится показать то новое, острое, тревожное, что он увидел в действительности, то С. Крутилин все время как бы не договаривает чего-то, словно поверяя свое произведение не жизнью, а произведениями других писателей.

Если подойти с полной мерой требовательности к этой повести, обнаруживающей, что у автора есть и литературные способности и знание своего материала, то нужно все же сказать: проявив во многом и наблюдательность и умение показать характерные черты своих героев, автор все же не создал ярких характеров, не показал колхозную деревню по-своему, с какой-то новой стороны. Главный герой повести — председатель колхоза Егор Васильевич Набоков, человек, избалованный успехами и похвалой, выдвинутый на большой пост, но не подготовленный к руководству, самоуспокоившийся, переставший расти и потому сделавшийся помехой для дальнейшего развития колхоза. Конфликт между человеком честным, но отсталым и малограмотным, и молодыми новаторами сельского хозяйства одушевляет первые страницы повествования, которые обещают в дальнейшем напряженную борьбу характеров. Финал, изображающий тяжкое раздумье лишившегося народного доверия и отстраненного от руководства Набокова,— может быть, наиболее сильная страница повести.

Она открывает перед характером героя известную перспективу развития, потерянную было в последовательном сопротивлении Набокова всему разумному, которое автор демонстрирует на протяжении всей повести. Эта потеря перспективы тем более ощутительна, что автор не сумел раскрыть духовную жизнь противостоящих Набокову героев — агронома Вербы и молодого бригадира Нади Трошиной.

Поначалу в образе Нади Трошиной заявлен своеобразный характер «шустренькой» девушки с косичками, о которой, однако, при возникновении принципиального сельскохозяйственного спора, думают: «Надьку бы мою сюда, она бы ему живо доказала, петуху старому!». Казалось бы, перед нами своеобразный положительный образ рядовой колхозницы, могущий служить примером и предметом подражания для людей. Однако читателя постигает разочарование. Героиня оказывается лишенной индивидуальности. Она делает все, что положено: произносит правильные речи с литературными примерами из классиков, она даже волнуется, но как-то уж очень спокойно, а иной раз и по пустякам.

Первое знакомство с Москвой, первое выступление на съезде комсомола в Кремле могло дать возможность для раскрытия интеллектуального мира молодой девушки, но автор этого не сделал. Он последовательно упоминает завтраки и обеды, закладку высотного дома, вид Георгиевского зала, номер в гостинице «Москва», встречу со школьником, осмотр царь-колокола, заседание съезда, танцы, прения по докладу и выступление самой героини. Но все это не оставляет никакого следа в надиной жизни.

Почему же автору, который знает материал и сумел создать тепло написанные сцены и эпизоды, не удались живые образы ряда его героев, не удалось убедительно показать сегодняшнюю жизнь колхозной деревни, линию ее развития? Потому, нам кажется, что за отдельным героем в повести «Родники» ощущаются заранее данные, уже не раз встречавшиеся в литературе черты некоего собирательного типа. Вот тип комсомолки. Это проворная, боевая «девушка с косичками», отдаленно напоминающая Авдотью-«Ващурку» из «Жатвы». И в романе таких девушек три. Во-первых, Надя Трошина, «шустренькая такая, с косичками». Во-вторых, Рая Юденкова, «щупленькая девушка, почти подросток», которая «теребила голубенький бант, вплетенный в концы реденьких русых косичек», и, наконец, Ольга Хабарова, некогда «шустрая, предприимчивая на выдумки девчонка», которую ее муж помнил «подростком с пышными золотистыми косичками». Надя, Рая и Ольга, написанные в равной мере живо, освещенные в равной степени тепло, по сути своих характеров одинаковы, так как составлены из одного и того же набора внутренних и внешних качеств.

Сглаживая острые углы, каких немало еще бывает в жизни, автор словно боится дать своим положительным героям сколько-нибудь сильное чувство. Надо бы Наде Трошиной взволноваться, испугаться, рассердиться. Надо бы героям, ну, хоть поссориться, что ли, но нельзя: ведь это **положительные** герои! Мало того, автор не дает своим положительным героям вступить в сколько-нибудь серьезный конфликт даже с героями отрицательными, и, как только такой конфликт назревает, торопится его снять. Не успевает Надя Трошина как следует схватиться с Набоковым из-за насаждения садов, на которые тот не хочет тратить колхозные деньги, как автор торопится показать картину уже состоявшейся закладки сада. Не успевают Надя, Верба, парторг Плотникова и другие положительные персонажи поспорить с Набоковым, не желающим совместно с другими колхозами возводить плотину для электростанции, как вмешивается секретарь райкома и обеспечивает полное согласие Набокова. Не успевают они как следует побороться с Набоковым, как колхозники сами лишают Егора Васильевича доверия и избирают председателем Михаила Вербу.

Лишенные самой возможности проявления большого чувства, стремления, настойчивости, лишенные поэзии преодоления (ибо все само идет им в руки), положительные герои мельчают, становятся бледными, а судьба их — неинтересной. Особенно отчетливо видно это в образе «Яши из райкома», начатом, как и Надя Трошина, многообещающе живо. Яша — несуразный длинный парень, добродушный весельчак, жадный до жизни, открытый для непрестанного чувства радостного удивления перед тем новым, что она ему ежедневно открывает. Яша — секретарь райкома комсомола, день и ночь пропадающий в районе, пешком, в любую погоду,— в распутицу или в зной,— путешествующий по колхозам. Но ввиду того, что в колхозах все само собой улаживается наилучшим образом, Яше вскоре становится нечего делать, и он бродит по страницам повести, постоянно восклицая: «Чудеса-а!» «Какой народ! И как быстро растут — просто чудеса!», «Ну и чудеса на земле!»

Гладкость повествования расхолаживает при чтении «Родников». Повесть производит впечатление заглаженной и «заредактированной».

В. Тендрякову при работе над своей повестью для ее отдельного издания нужно улучшать текст, «доводить» отдельные образы и ситуации, но не нужно ломать принципы своего повествования. Перед С. Крутилиным же стоит, как нам кажется, несравненно более трудная задача. Ему придется пересмотреть свое отношение к материалу действительности, отказаться от сглаживания ее острых углов и облегчения конфликтов. Лишь этот прямой и нелегкий путь приведет молодого писателя к удаче.

Из речи А. Я. ВЫШИНСКОГО

в Первом комитете Генеральной Ассамблеи ООН

Как известно, Политический комитет Генеральной Ассамблеи обсуждал на днях предложенный советской делегацией вопрос «О мерах по устранению угрозы новой мировой войны и по уменьшению напряжения в международных отношениях». Этот вопрос затрагивает самые жгучие, самые наболевшие проблемы современности: сокращение вооружений, запрещение оружия массового уничтожения, ликвидацию баз на чужих территориях, осуждение пропаганды новой мировой войны и разжигания вражды и ненависти между народами.

В ходе обсуждения представитель США Лодж выступил против всех предложений, содержащихся в проекте резолюции делегации СССР по этому вопросу. Он пытался, в частности, оправдать ведущуюся в США пропаганду новой мировой войны нелепыми ссылками на существующую якобы в США «свободу печати». В то же время Лодж осмелился предъявить ряд обвинений советской стороне.

Мы публикуем выдержку из речи А. Я. Вышинского в Первом комитете Генеральной Ассамблеи 26 ноября 1953 года, в которой он разоблачает лживость и несостоятельность утверждений г-на Лоджа.

Особенное возбуждение г-н Лодж проявил в отношении той части проекта резолюции СССР, которая предлагает Генеральной Ассамблее осудить ведущуюся в некоторых странах пропаганду, направленную на разжигание вражды и ненависти между народами и на подготовку новой мировой войны...

Г-н Лодж обрушился на эту часть нашей резолюции и старался доказать, что в американской печати имеется много оттенков, — как он сказал: от ненависти до раболепного восхваления Советского Союза.

Конечно, мы не заинтересованы в раболепном восхвалении Советского Союза. Но мы заинтересованы в том, чтобы не было в американской печати проповеди ненависти к Советскому Союзу.

Я привел целый ряд фактов, причем я сослался на работу в этом направлении официальных и очень компетентных высших органов Соединенных Штатов Америки, вроде конгресса и его библиотеки, его комиссии по внешним делам, вроде Пентагона и его органов. Но г-н Лодж предпочел обо всем этом умолчать. Эта работа направлена на разжигание вражды и ненависти, и я об этом говорил с полным основанием, с полным знанием этого дела, как оно рисуется по тем документам, на которые я ссылался.

Почему же тогда молчат об этих документах? Я еще раз подтверждаю, что это делается потому, что невозможно опровергнуть эти документы. Они имеются. Я могу их сейчас предъявить, если угодно.

Эти документы говорят о том, что разжигается ненависть к Советскому Союзу. Разве можно иначе рассмотреть эти постоянные, изо дня в день повторяющиеся заявления о том, что советскому народу нужно подняться против своего правительства, против «кремлевского режима», что нужно свергнуть этот «режим»? Разве это то, что может способствовать установлению нормальных отношений между государствами? Г-н Лодж — я уверен в том — сам не верит в свои утверждения, когда он обрушивается на советскую печать и обвиняет ее в том, что она отравлена пропагандой вражды и ненависти к американскому народу.

В чем он усмотрел эту пропаганду? Он усмотрел ее, например, в статьях, в которых указывается, что в наших школах учителя обязаны «сообщать своим ученикам всю правду о бедности и бесправии народов капиталистических стран, об англо-американских империалистах и их преступлениях против угнетенного человечества».

Я должен сказать, что когда учителя обязываются рассказывать своим ученикам правду о том или другом факте, то за это их упрекать в возбуждении вражды и ненависти никак нельзя, и правду о том, что в капиталистических странах имеются партии войны, которые стремятся к войне; о том, что в США, например, и в некоторых других странах Запада реакционные круги заняты подготовкой новой мировой войны, стремятся увековечить угнетение других народов, ведут борьбу против их стремления осуществлять неотъемлемое право на самоопределение народов. Разве все это не соответствует действительности? Разве мы не ссылались здесь на авторитетные заявления представителей разных стран, которых никак нельзя заподозрить в коммунизме?

Здесь, в Политическом комитете, я ссылался на представителей Сирии, Аргентины, Эквадора, которых также нельзя заподозрить в коммунизме. Уж кого-кого, а, например, эквадорского представителя нельзя заподозрить в каких-нибудь малейших намеках на симпатии к коммунизму. Это просто было бы худшей формой продемонстрировать здесь маккартизм, который даже Трумэна заподозрил в коммунизме, объявляя, что его заявления, слово в слово, совпадают с теми заявлениями, которые были опубликованы в «Дейли уоркер».

Если вы видите пропаганду ненависти и вражды в том, что ученикам должна сообщаться правда о бесправии народов в западных странах, то разве мы грешим против истины, когда говорим, например, о бесправии, скажем, негритянского народа в Соединенных Штатах или цветных народов в других странах.

Да, мы требуем, чтобы наши учителя учили наших учеников тому, что нельзя угнетать другие народы, нельзя лишать их человеческих прав, нельзя ограничивать их в правах из-за цвета кожи, нельзя их ставить в такое положение, в каком находятся негры в Соединенных Штатах Америки, особенно в тех штатах, где для них устраивают даже особые места для ожидания автобусов, отдельно для белых и отдельно для черных, когда их не пускают в один и тот же вагон с белыми, когда они ограничены во многих и многих правах именно потому, что их кожа другого цвета.

Мы говорим об этом, и это правда. А разве те реакционные группы империалистических государств, которые организуют сейчас подготовку новой войны, разве они не являются той опасностью для всего человечества, против которой нужно предупреждать и старых и малых?

О преступлениях англо-американских империалистов трубит весь мир, даже сама американская печать, г-н Лодж. Прогрессивная, конечно, часть этой печати. Правда, ей приходится тяжело расплачиваться за это, и ее буквально сживают со света, но все-таки в этой печати находят свое отражение многочисленные факты, подобные тем, о которых я говорил, факты, против которых необходимо бороться, против которых ведут борьбу все честные люди, стремящиеся к искоренению расовых предрассудков, к установлению равенства между людьми, независимо от их пола, цвета кожи, вероисповедания. Г-н Лодж, как и некоторые другие делегаты, прославлял пресловутую свободу американской печати. Но в действительности, г-н Лодж, такой свободы печати не существует.

Чтобы опровергнуть эту фальшивую легенду о свободе американской печати, достаточно напомнить о красноречивых фактах из книги Джорджа Мариона «Остановите печатные машины!». Вероятно, г-ну Лоджу некогда было ознакомиться с этой книгой. В противном случае, я уверен, что он был бы более сдержан и осторожен в своих восторгах по адресу этой так называемой американской «свободы» печати. О том, что собой представляет эта «свобода», ясно видно, например, из заявления создателя газетного треста и известного издателя Эдуарда Скриппса.

Он говорил: «Владелец газеты — наниматель требует, чтобы нанятый им писал то, во что наниматель либо верит сам, либо хочет, чтобы поверили его читатели... Он не будет платить журналисту жалованье за материал, появления которого в своей газете он не хочет». Вот вам «свобода» печати. На эту тему достаточно вразумительно говорит и исследование, произведенное комиссией во главе с Робертом Хатчинсом, тогдашним президентом Чикагского университета, а ныне сотрудником фонда Форда, опубликованное под заглавием «Свободная и ответственная пресса». Это очень интересный доклад. Я не могу, к сожалению, касаться его в больших подробностях, но все-таки кратко кое-что о нем скажу.

Из этого доклада видно, что американская печать отнюдь не то, чем ее пытаются здесь изображать.

«Вместо того, чтобы быть представительной, — говорится в докладе Хатчинса, — она сосредоточена в руках гигантских деловых предприятий. Она не выполняет своих демократических обязанностей. Она не дает ни требуемых сведений, ни свободной трибуны для дискуссий...»

Вот так «свобода» печати.

Далее в докладе сказано: «Эти органы печати могут содействовать мышлению и дискуссии. Они же могут задушить их... Они могут унижать и опошлять человечество. Они могут ставить под угрозу всеобщий мир... Они могут раздувать или умалять информацию и ее значение, вызывать и разжигать эмоции... распространять ложь быстрее и дальше, чем об этом могли даже мечтать наши предки...».

«Они могут это делать, — пишет Хатчинс, бывший президент Чикагского университета, — и они это делают».

Я, конечно, не говорю огульно обо всей американской печати. Мы уважаем ту честную прогрессивную печать, которая, несмотря на все трудности своего положения, героически борется за правдивое, честное печатное слово. Но я говорю о тех фактах, о которых и мы говорим в своей печати, отнюдь не распространяя нашу отрицательную оценку на всю американскую печать, на весь американский народ. К американскому народу мы питаем глубокое уважение. Это доказывает и тот фильм «Серебристая пыль», о котором говорил здесь г-н Лодж. Он говорил, что там выводятся на поругание американцы. Да, там есть такие типы, которые достойны поругания, но там выводятся на сцену также и положительные представители американского народа, благородные, честные, преданные идее мирного сотрудничества и мира, — и в этом центр этого нашего фильма. Этого, конечно, не замечают те, которые не хотят это замечать, которым замечать это не выгодно.

К сказанному следует добавить, что такому поведению части американской печати способствует и та политическая атмосфера, которая царит в США, которая характеризуется таким разгулом мракобесия, как, например, изъятие из библиотек госдепартамента в двадцати странах книг так называемых «опасных» писателей в угоду Маккарти. При этом многие книги и журналы, как сообщала печать, просто сжигаются. Книги, изъятые из американских библиотек за границей, охватывают несколько десятков выдающихся авторов, классиков литературы, гордости мировой культуры и цивилизации.

Такая участь готовится также, как сообщает печать, известной книге «Робин Гуд». В соответствующих образовательных учреждениях США обсуждается сейчас вопрос об изъятии из обращения даже этой известной баллады, созданной английским народом, за то, что в ней содержатся якобы — что бы вы думали? — коммунистические доктрины, поскольку эта книга рассказывает о легендарном герое Робин Гуде, раздававшем, как известно, бедным богатства богатых.

Г-н Лодж ссылался на кинофильм «Серебристая пыль» и некоторые другие советские фильмы, где выводятся пороки американского общества и изображаются отрицательные типы из американской жизни. В этом г-н Лодж видит раздувание вражды и ненависти между народами. Но мы имеем богатую сатирическую литературу не только прошлых классических годов расцвета русской дореволюционной литературы в лице, например, Салтыкова-Щедрина, Чехова и ряда других, но и в наше нынешнее время, — можно назвать таких писателей, как Горький, Маяковский и целый ряд других. Они преследуют цель борьбы с человеческими пороками, блестящий пример которой показал знаменитый русский писатель Гоголь своими произведениями «Мертвые души» и «Ревизор», являющимися учебными книгами во всех наших школах.

Но если подходить к этому вопросу так, как подходят некоторые представители США, то тогда надо было бы изъять и сжечь Диккенса, Марка Твена и Джером К. Джерома, Гоголя и Крылова, Мольера и Альфонса Доде, Гейне, Манна, Сервантеса и ряд других замечательных представителей мировой литературы.

В своей речи г-н Лодж обрушился также на московскую «Литературную газету», которая в номере от 8 октября 1953 года сообщает о применении в американских тюрьмах средневековых пыток. Вот эта газета, вот эта статья, опубликованная в этой газете.

Г-н Лодж обрушился на эту газету за статью, которую он изобразил как образец разжигания пропаганды вражды и ненависти между народами. Он упрекает «Литературную газету», что ее вдохновляла экстремистская, как сказал Лодж, газета «Фридом». В этой статье, действительно, есть ссылка на факты, приводимые в газете «Фридом». А якобы, что она «экстремистская», — это фактов не касается. Но, г-н Лодж, почему же вы не сказали о других источниках, которыми пользуется эта газета? Почему вы не сослались на книгу под заглавием «Методы полицейского допроса», принадлежащую перу полицейского офицера Кидда и отвечающую на вопрос: «что такое третья степень?» Статья начинается в газете с абзаца, где говорится: «Автор книги «Методы полицейского допроса», полицейский офицер Р. Кидд на вопрос, «что такое третья степень», дает совершенно определенный ответ». Какой же это ответ?

Ответ следующий: «Это не что иное, как пытка... она может состоять в избиении, в длительном допросе под лучами ослепляющих прожекторов, в помещении арестованного в подземелье с лишением его пищи и воды на длительный срок, в помещении его в камеру, кишащую крысами, или в клетку с москитами. Во время судебного разбирательства истерзанное состояние подсудимого можно объяснить тем, что он «упал с тюремной лестницы» или «пытался бежать». Моральной пыткой будет помещение трупа потерпевшего возле камеры подозреваемого, отказ сообщить тяжело больной жене о месте пребывания арестованного до тех пор, пока он не начнет говорить, и т. д.». Офицер полицейской службы США говорит: «Вариации безграничны».

«Литературная газета» только воспроизводит то, что написано в книге «Методы полицейского допроса», принадлежащей перу полицейского офицера Кидда.

В «Литературной газете» имеется ссылка на американский журнал «Ридерс дайджест», который опубликовал статью с описанием положения заключенных в каторжной тюрьме города Килби (штат Алабама). В статье говорится буквально следующее: «Пронзительный душераздирающий крик последовал за ударом бича. На спине юноши вздулась полоса шириной в два дюйма. Один тюремщик придавил ногой плечи извивающейся от боли жертвы, другой сидел на ногах юноши. Ухмыляясь, экзекутор тюрьмы снова поднял шестифутовый кожаный бич...»

Это воспроизводится из «Ридерс дайджест», издаваемого здесь, в Соединенных Штатах. Что же сделала «Литературная газета», кроме того, что она перепечатала то, что широко опубликовано в Соединенных Штатах Америки?

«Литературная газета» напечатала выдержку из этого журнала. Теперь ее обвиняют в том, что она разжигает ненависть. Почему же тогда нельзя обвинить в этом «Ридерс дайджест»?

Я должен предупредить, что я позволяю себе касаться этого вопроса только потому, что его затронул Лодж. Я бы не стал говорить на эту тему, несмотря на все чувство отвращения к тому, что сообщается в этих статьях, потому, что это не относится к задачам нашего совещания, нашему вопросу, который обсуждает здесь Политический комитет. Но раз г-н Лодж здесь громогласно обвинил нас и «Литературную газету» в пропаганде вражды к американскому народу, я обязан восстановить истину.

Я продолжаю. В этой статье в «Литературной газете» приводятся некоторые места из большого очерка Вирджинии Келлог, посетившей женскую тюрьму одного из крупных северных штатов. Этот очерк Вирджинии Келлог опубликован в журнале «Кольерс».

В этом журнале «Кольерс» помещен очерк. В этом очерке Вирджиния Келлог описывает истязание посредством так называемой «холодной кишки», которое заключается в том, что провинившуюся узницу бросают в камеру, где на нее со всех сторон обрушиваются потоки ледяной воды. «Отвратительной правдой является то, — пишет Келлог, — что мною описана образцовая американская тюрьма, одна из тех, что находится в наших северных богатых индустриальных штатах. Еще более отвратительно, что подобные дома ужаса представляют собой не исключение, а скорее обычное явление в Соединенных Штатах».

Вот куда надо было бы г-ну Лоджу направить свое негодование! Вместо этого он направляет свое негодование против людей, виновных в том, что они служат благородному делу истины и защиты от бесправия, от беззакония, борются против преступных деяний зарвавшихся полицейских чинов!

Наконец, в этой же статье «Литературной газеты» есть ссылка на журнал «Сатердей ивнинг пост», который пишет, что, измученная жестокостью надзирателей, постоянными голодовками и заключением в карцер, часть арестантов в тюрьме штата Иллинойс «пыталась покончить с собой через повешение, а часть сошла с ума».

Мудрено ли, что в целом ряде тюрем в штатах Флорида, Огайо, Иллинойс, Мичиган, Калифорния, Пенсильвания и других то и дело вспыхивают бунты заключенных?

Вот о чем говорится в статье «Что происходит в американских тюрьмах», как озаглавлена эта статья в «Литературной газете», и что захотел здесь опровергнуть г-н Лодж, но, надо сказать, это опровержение ему не удалось.

Почему г-н Лодж вместо того, чтобы заклеймить подобные преступления в США, в этом якобы «свободном мире», счел нужным наброситься на московскую печать, обвиняя ее в пропаганде вражды и ненависти между народами?

ВЧЕРА В АНГЛИИ БАСТОВАЛИ МИЛЛИОНЫ РАБОЧИХ

Конфедерация профсоюзов судостроительных и машиностроительных рабочих Англии, в которую входят 39 тред-юнионов, объединяющих три миллиона человек, приняла решение провести двадцатичетырехчасовую забастовку. Она объявлена в знак поддержки требований трудящихся этих отраслей промышленности о повышении заработной платы на 15 процентов.

Телеграф принес известие о том, что вчера остановились многие машиностроительные предприятия и судостроительные верфи страны. К середине дня 2 декабря бастовало около двух миллионов рабочих. Рабочие называют забастовку «символической»: если предприниматели и на этот раз не согласятся удовлетворить их требования, будут предприняты более решительные меры.

Британские судостроители и машиностроители — крупнейший отряд рабочего класса Англии — уже несколько месяцев упорно добиваются повышения заработной платы. Они указывают при этом, что стоимость жизни в стране возросла с лета 1947 года больше чем на 40 процентов. Жизненный уровень широчайших слоев населения неуклонно снижается, трудящиеся вынуждены отказывать себе в самом необходимом.

В октябре по всей Англии прокатилась волна кратковременных забастовок протеста против отказа предпринимателей повысить заработную плату. 22 октября прекратили работу 250 тысяч судостроителей на верфях Клайда, близ Глазго. «Весь промышленный район Клайда замер, когда около четверти миллиона рабочих приняли участие в полудневной символической забастовке, — пишет английская газета «Дейли уоркер». — Около 50.000 судостроителей и машиностроителей прошли по улицам Глазго в этот день: это была самая мощная демонстрация промышленных рабочих со времени всеобщей забастовки 1926 года». Бастовали также судостроители и машиностроители Лондона, Гринока, Эдинбурга, Лита и других городов.

На фото: **демонстрация рабочих на улицах Лондона; на плакате написано: «Добивайтесь повышения заработной платы на 15 процентов за счет прибылей капиталистов».**

Снимок из английской газеты **«Дейли уоркер»**

Я ВЕДУ РАССЛЕДОВАНИЕ „ИСТОРИИ О ЗВЕРСТВАХ"...

30 ноября Генеральная Ассамблея приступила к рассмотрению внесенного американской делегацией вопроса о «зверствах», якобы совершенных войсками Корейской Народно-Демократической Республики и китайскими народными добровольцами над военнопленными из состава «вооруженных сил ООН». Как известно, речь идет о новой попытке американской делегации отвлечь внимание мировой общественности от фактов многочисленных зверств, которые учиняла американская военщина над корейскими и китайскими военнопленными. Провокационный вопрос о «зверствах северокорейских и китайских коммунистов» используется для дальнейшего отравления международной атмосферы и создания затруднений в созыве политической конференции по Корее. Клеветническая кампания правящих кругов США по поводу так называемых «зверств» неоднократно разоблачалась даже органами реакционной буржуазной печати.

Мы публикуем в сокращенном виде статью английского буржуазного журналиста — корреспондента газеты «Санди Пикториэл» Джона Уолтерса. Уолтерс находился в Кэсоне, когда начался обмен больными и ранеными военнопленными. Он имел возможность беседовать с только что репатриированными английскими и американскими солдатами, еще не подвергшимися обработке американской пропаганды и не побывавшими в руках военных следователей. Статья была напечатана в «Санди Пикториэл» 26 апреля нынешнего года.

Позволить, чтобы россказни о зверствах помешали переговорам в Паньмыньчжоне, было бы не только нелепо, но и безнравственно.

Я должен сознаться, что начал неделю с предвзятым мнением о дьявольской жестокости китайских коммунистов с захваченными пленными.

С прибытием в деревню Фридом* первой партии репатриированных больных и раненых военнопленных мои ужасные предположения, к счастью, не оправдались.

Я встретил среди них людей явно больных и людей, страдающих от давних ран. Однако огромное большинство репатриированных выглядело лучше тех, кто вернулся после второй мировой войны из японских и нацистских концентрационных лагерей.

Ни один из английских солдат, с которыми я разговаривал, особенно не жаловался на своих тюремщиков. Меня поразило отсутствие у солдат всякой злобы к ним. А среди британских солдат были и такие, которых красные санитары много дней несли на носилках в глубь страны, и такие, чьи разбитые тела лечили красные хирурги.

А потом я услышал рассказы о разных ужасах. Рассказы эти исходили, главным образом, от американцев и южнокорейцев...

С другой стороны, я встречал много американцев, чьи рассказы о хорошем обращении с ними корейцев и китайцев совпадали с тем, что сообщало большинство англичан...

Школьник и тот не поверит выдумкам о жестокостях, распространяемым репатриированными солдатами Южной Кореи. Ведь сотни «освобожденных» южнокорейцев сразу же после возвращения из плена вновь оказались в положении пленных, которых стали перевоспитывать в духе лисынмановской демократии.

И все-таки, слушая рассказы о зверствах и не веря в их правдивость, я боялся, что, может быть, волей-неволей я слишком недоверчив.

И потому я отправился узнать мнение некоторых видных корреспондентов, пользовавшихся большим уважением. Генри Хэйворд из «Крисчен сайенс монитор» ответил: «Эти истории — просто заявления сбитых с толку людей. Они производят впечатление недостаточно документальных». Макс Оливье и Пьер Дюрель — оба из агентства Франс Пресс — согласились, что убедительных доказательств зверств не имеется. Я говорил с бельгийцем, датчанином, турком, пользующимися у себя на родине репутацией людей, справедливых в своих суждениях. Каждый из них испытывал по отношению к рассказам о зверствах такое же чувство, как и я. И между тем я узнал, что такие рассказы печатаются на видном месте в некоторых американских газетах.

В одной американской армейской газете я видел вначале безобидное заявление английского военнопленного, а затем искаженное до такой степени, что оно превратилось в намек на уничтожение красными тяжело раненных пленных. Потом я узнал о лживых рассказах в газетах, будто китайцы-военнопленные при обмене испытывали страх и уныние. На самом же деле по прибытии в Паньмыньчжонь многие радостно пели...

Покончим же с попытками помешать переговорам о мире.

Джон УОЛТЕРС,
спец. корреспондент «Санди Пикториэл» в Корее

* Поселок Фридом. Так назывался поселок в районе Паньмыньчжоня, где было построено временное здание — «Пагода мира», в котором состоялась церемония подписания соглашения о перемирии в Корее.

Английский военнослужащий Робертс из ульстерского егерского полка вернулся домой. Он был в плену в Северной Корее. На вопрос американского журналиста, искавшего сенсаций: «Подвергались ли вы жестокостям в лагерях Северной Кореи?» — Робертс ответил: «Жестокостям? Отнюдь нет! Цивилизованное обращение — вот что я могу сказать!»

Снимок из румынского журнала «Флакэра»

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

Американская газета «Монтгомери адвертайзер» (выходит в городе Монтгомери, штат Алабама) в № 180 за этот год опубликовала редакционную статью, озаглавленную **«Лицемерие в Японии».**

The Montgomery Advertiser

Hypocrisy In Japan

Japan is being rearmed with our assistance, in a manner that literally reeks of hypocrisy. It adds impetus to the charges of critics who assert that Americans delight in beating around the bush, in making a law and then sitting up at night figuring ways to nullify it.

Статья начинается словами:

«Япония перевооружается с нашей помощью по методу, от которого буквально разит лицемерием. Это придает вес обвинениям критиков, утверждающих, что американцы любят ходить окольными путями, создавать закон, а затем сидеть ночи напролет, обдумывая способы сделать его недействительным.

Японская конституция, принятая под покровительством американцев после окончания последней войны, предусматривает, что «сухопутные, морские и воздушные силы, так же как и другой военный потенциал, никогда не будут существовать». Это было в то время, когда мы торжественно провозглашали, что как японская, так и германская военная мощь должна быть навсегда уничтожена.

Чтобы обойти конституцию, новая японская армия называется не армией, а «корпусом национальной безопасности». В ней нет генералов, полковников или майоров, а есть «надзиратели» различных рангов. В ней нет солдат, а есть только «служащие». Танки носят название «специальных экипажей».

Комментарии излишни!

ВО ВЬЕТНАМЕ БУДЕТ МИР!

Интервью президента Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мина шведской газете «Экспрессен», в котором он выразил готовность вести переговоры о перемирии, если этого пожелает Франция, встречено с удовлетворением всей прогрессивной французской общественностью.

Парижская печать оживленно комментирует это заявление. Газета «Комба», например, опубликовала передовую статью «Надо вести переговоры с Хо Ши Мином».

Ниже мы публикуем статью известного французского патриота, борца против войны во Вьетнаме Анри Мартэна.

Когда с верхней палубы крейсера «Турвиль» я смотрел в последний раз на крутые берега реки Сайгон, я видел соломенные хижины, рисовые поля, густые заросли и думал о том, что французский экспедиционный корпус не контролирует эти районы, хотя они и расположены по обе стороны главного пути, по которому движутся подкрепления. Это лишний раз убеждало меня в том, что колонизаторам никогда не удастся сломить волю вьетнамского народа к независимости.

С тех пор прошло шесть лет; если в 1947 году убитые насчитывались тысячами, то теперь их — десятки тысяч, и однако, несмотря на эти жертвы, экспедиционный корпус беспрерывно отступает.

Невозможность военной победы ясно видна теперь даже самым ярым шовинистам.

Кроме того, сторонникам грязной войны становится все труднее убедить французский народ, что он должен попрежнему проливать свою кровь и тратить деньги в интересах так называемого «свободного мира», то есть на деле — в интересах колонизаторов и ради стратегических выгод американских империалистов.

Проведенная недавно кампания по выяснению позиций представителей самых различных слоев населения страны относительно прекращения войны в Индо-Китае является наглядным свидетельством мощного общественного движения во Франции в пользу прекращения грязной войны.

Этому движению следует придать еще больший размах, ибо ясно, что те депутаты, которые в течение стольких лет не выражали никакого протеста против продолжения этой бессмысленной бойни, не решатся определить свою окончательную позицию, если избиратели не заставят их это сделать.

Мы должны добиться мира в Индо-Китае, ибо наш народ, который так любит свободу, не может не понять, что другие народы мира испытывают то же самое чувство.

Что касается меня, то перед моими глазами всегда возникает маленькое искромсанное тело вьетнамского ребенка в сампане на реке Меконг, его рыдающий отец и неподвижный взгляд его матери, раненной в ноги и в живот, и я не могу без ужаса думать о двух годах, которые я провел там.

Я громко заявил о своем отвращении к тому, что нас заставляли делать во Вьетнаме. Я громко заявил о своем негодовании по поводу того, что убивают женщин и детей. Приговорив меня к пяти годам тюремного заключения, военно-морской трибунал тем самым признал, что вина состоит не в том, чтобы совершать эти преступления, а в том, чтобы протестовать против них.

Этот приговор не заставил меня изменить свое мнение, наоборот, моя совесть была облегчена этой борьбой за дело установления мира в Индо-Китае.

Народ Франции добьется мира в Индо-Китае. Я глубоко верю в то, что дружба всех народов мира — это не утопия.

Это — реальная действительность, которую в результате нашей борьбы скоро признают все.

Анри МАРТЭН

ПАРИЖ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

От имени семьи и родных скончавшегося писателя Ильи Яковлевича Маршака (М. Ильина) приносим глубокую благодарность всем, разделившим с нами наше горе.

Е. Маршак-Сегал,
Е. Ильина, С. Маршак.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б03864.